

ЭНН МЕЙРОН

ВЕСТНИКИ
ТЕМНОЙ
ЛУНЫ

Энн Мейрон

Вестники Темной Луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72829347

SelfPub; 2025

Аннотация

Что таится за плотным покрывалом обыденности, суеты, быстротечной жизни людей? Как много они знают о том, что окружает их, и как часто задумываются об этом?

Есть вещи, сокрытые во мраке, в которые посвящены лишь избранные, или же обреченные – члены Культов, спрятанных в самых разных уголках Земли. Их главная задача – поклонение Древним Богам, существовавшим до начала времен, и полное им подчинение.

Вестники Темной Луны – служители Гекаты, самой таинственной Богини, отождественной с лунным светом.

Содержание

Пролог	6
Первая часть	9
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	44
Глава 7	48
Глава 8	58
Вторая часть	63
Глава 9	64
Глава 10	69
Глава 11	73
Глава 12	80
Глава 13	84
Глава 14	87
Глава 15	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Энн Мейрон

Вестники Темной Луны

Мрачному и таинственному ноябрю

В туманном облике творца

Людские видятся черты.

И от начала до конца –

За ним кровавые следы.

(Автор неизвестен)

Плейлист

1. «As Shadows Fall» – Peter Gundry

2. «Ветви» – Theodor Bastard

3. «Medea» – Arcana

4. «Zur Sonne» – Mantus

5. «Цветы» – polnalyubvi

*6. «Заплетаю ветер на
коротких волосах» – polnalyubvi*

7. «She Wakes in Flames» – Peter Gundry

Пролог

Краски двух миров блекли, надвигалась жестокая и суровая зима. Лес умирал. Туман поглощал его, а холодные ветра несли зов и нечеловеческий вой из самой его чащи. Плотный дым то накрывал это безлюдное место, и ничего нельзя было увидеть даже на расстоянии вытянутой руки, то рассеивался совсем, и можно было заметить, как что-то мелькает, не животное и не человек, словно тень из границ. Оно бесшумно блуждало среди деревьев.

Ветви, когда это что-то проходило мимо, жалобно качались, а на траве оставались черные следы, словно сажа. Рога оленя, а также тонкие длинные пальцы, сжимающие палку, похожую на посох, иногда проглядывали среди тумана. Над этим чем-то сгущались тучи. Оно было похоже на Смерть, но являлось лишь Предвестником. Предвестником страшной бури, которая надвигалась на эти места.

Ветер завыл, когда две рыжеволосые девушки подошли к краю между миром людей и миром природы и стали наблюдать за загадочной красотой туманного леса. Роса щекотала их босые ноги, накрытые подолами белых льняных платьев. Они держали в руках пустые корзинки.

– Лес, позволь нам перейти границу и собрать твои сухие ветви и траву, дабы разжечь священный костер, ибо страшное грядет, и мы должны предотвратить это.

– Позволь нам собрать все, что нужно для нашего священного ритуала.

Слова девушек разнеслись по обеим сторонам, и когда голоса пропали в глубине, туман стал развеиваться. Лес позволил им войти.

Ночь постепенно накрывала землю. Звезды мерцали, плавно перемещаясь по небу, среди них восходила луна. Десять человек, и все как один в белых одеяниях, стояли в ровно вычерченном кругу и ждали двух своих сестер из леса.

Девушки вышли из всепоглощающей темноты с корзинами, полными травы и веток. Они вошли в круг, и одна из них стала медленно осыпать землю сухими листьями. Мужчины же взяли ветки и стали делать из них факелы.

Когда они были готовы, их раздали каждому из присутствующих. Девушка, получившая факел последней, зажгла его и вошла в центр круга, а от ее огня зажгли все остальные. Она встала лицом к луне и подняла руки к небу.

– Геката, Эрешкигаль, несущая свет и правящая тьмой, ты – великое таинство, вечность, хранительница, благослови нас на ритуал в эту священную ночь, наполни круг своей силой, отгони блуждающие тени, и пусть луна станет нашим проводником, ибо Ты и есть Луна!

После этих слов вновь подул зловеющий ветер, что нес недоброе слово из глубины бескрайнего леса, но как только начался ритуал, затих. Никто больше не произнес ни слова до самого рассвета.

Люди ходили по кругу, танцевали, кружились, а тлеющие угольки летали вокруг них, поднимались к самой Луне, после опускались на землю, и затухали, а следом за ними рождались новые.

Уже почти на рассвете люди в таинственном кругу сложили свои факелы в центр, создав таким образом костер, и стояли, взявшись за руки. Иногда они медленно покачивались, но по-прежнему молчали.

Костер окончательно потух, только когда солнце начало выглядывать из-за вершушек деревьев, таинственные люди расплели руки, взглянули на пробуждение нового дня и разошлись, оставив пепел как единственное доказательство прошедшего обряда.

Первая часть

Призыв

Absentia est via tua

Отсутствие – твой путь

Глава 1

Алиса

Весь день стояла прекрасная погода, но к вечеру всё изменилось.

По небу, словно бородатые старики, блуждали тучи. Над городом воцарилась парадная мрачность, и ничего хорошего это явно не могло предвещать.

– Ну, конечно, – Алиса хотела добавить что-то еще, но лишь тяжело вздохнула, отгоняя от себя печальные мысли и направляясь на кухню.

Арендованный ею на сутки дом оказался единственной доступной недвижимостью, где владельцы не потребовали никаких личных данных или документов. Он представлял собой ветхое двухэтажное здание с маленьким заросшим двором и деревянным забором, который едва ли можно было так назвать. Внутри висело множество фотографий людей, живших здесь раньше. До войны.

Алиса поставила греться чайник и подошла к окну. Пейзаж не менялся здесь уже более двадцати лет – редкие полуразрушенные деревянные дома, позади которых расстился огромный лес. В этих краях ощущалось спокойствие, какого

не было больше нигде. Здесь всегда пахло сыростью из-за частых дождей, и туман устилал эти земли. Игналина¹ словно переплетала в себе реальность и мистику, видимое и скрытое от чужих глаз.

Среди местных жителей Игналины нередко можно было услышать сказки о том, что в чаще, среди густых деревьев покоились сами боги, а их сон охраняли неизвестные создания в белоснежных одеяниях. И Алиса каждый раз усмехалась, ведь знала, что эти истории – правда.

Последние лучи солнца скрылись за густыми облаками, девушка отошла к шкафчикам и стала искать чай на полках, но вместо кулинарных принадлежностей они были забиты самыми разнообразными книгами: от отечественной художественной литературы до мемуаров ранее неизвестных ей людей. Между запылившимися романами в потертых обложках стояли новейшие произведения, будто бы только купленные. Алиса небрежно провела по ним рукой.

– Бывшие жильцы даже не топили ими камин, – она взглянула на единственный источник тепла в доме, и вновь перевела взгляд на окно, внимательно всматриваясь в безликий пейзаж обнаженного леса, изучая каждое оголенное дерево.

Чайник засвистел на плите, возвращая девушку к реальности. Она сняла его, но заваривать чай не стала, вместо этого вышла на улицу, прихватив с собой зонтик.

Воздух смешивал в себе запахи леса, преюющих листьев и

¹ Игналина – город в Литве

тлеющего костра. Крупные капли дождя поначалу редко разбивались о землю и траву, но вскоре стихия поглотила весь городок.

Алиса бродила по узким тропам, практически увязая в грязи, пока не вышла на асфальтированную дорогу, ведущую в центр. Дождь усиливался. Капли стекали по её рукам и одежде, зонт уже не помогал, и девушка бросила его на ближайшую лавочку. Она была преисполнена любовью к этому городу, но одновременно с тем ненавидела само его существование. Ей казалось, что все здесь не живое, ненастоящее, словно кино с актерами, которые никогда раньше не играли. Каждый проходящий мимо человек, будь то юноша или старик, ласково улыбался Алисе, хоть она и знала, что это не более чем обычное лицемерие.

«В их жилах течет лишь страх за себя. Их даже нельзя назвать животными, они не ценят друг друга, не постоят за прохожего, не подадут куска хлеба нуждающимся», – девушка осматривала улицу и вспоминала 1948 год.

Та поездка в Игналину произвела на нее неизгладимое впечатление. Хаос, разрушенные фабрики, фермы, постройки. Жителям не хватало сил на существование, многие страдали от голода. Ей хотелось убежать, скрыться в неведомой глуши, только бы не видеть страшных последствий долгой войны.

В ее памяти осталось то, что никогда не хотелось запоминать. За все время в этом городе Алиса то и дело натывалась

на знакомые когда-то места. Многие здания реконструировали, но на некоторых так и остались отпечатки страшных событий, прошедших по этим землям.

Алиса наблюдала за сменяющимися друг друга поколениями, за тем, как преобразовывалась жизнь, взгляды людей на те или иные вещи, но было то, что оставалось неизменным всегда. Каждый человек – творец и разрушитель, и ради господства над другими он способен на что угодно.

«Власть, ими всеми управляет власть», – девушка усмехнулась, когда в ее сознании промелькнул силуэт...

Все вокруг куда-то спешили. Времени, так не хватающего большинству людей, у Алисы было в достатке. Она шагала вдоль улицы, направляясь в библиотеку, как вдруг позади себя услышала знакомый голос, но, обернувшись, никого не увидела.

Глава 2

Ева

Улица пропиталась запахом осени. Из открытого окна дул влажный, холодный ветер, пробирающий насквозь сидящую на полу девушку. Ее крики, казалось, раздавались на всю округу, а от вида полусогнутого худого тела, сжимающего до боли собственную голову, по телу пробежали бы мурашки. Маленькая неосвященная комната казалась необитаемой, настолько здесь было холодно.

Ева дрожала. Дрожала от невыносимого страха, и горела изнутри. Температура поднялась настолько, что становилось нечем дышать, но она продолжала кричать, не слыша собственного голоса. Голова раскалывалась от громких, оглушающих звуков, нечленораздельных фраз, доносящихся словно из глубины сознания. Голоса разрывали ее, комната плыла перед глазами, накатывала тошнота. Девушка попыталась подняться на колени, отчаянно стона: «Хватит!» неизвестным мелодиям, нитями проникающим под кожу и впитывающимся в вены.

– Ева! Ева! – дверь распахнулась, громко ударившись о стену, и в комнату забежала взволнованная женщина, – ти-

ше, милая! – она попутно протираала сонные глаза и завязывала свой халат, а когда подошла к дочери, мгновенно попыталась поднять ту, – боги, ты вся горяишь.

Резкие прикосновения прохладных рук матери заставили Еву вздрогнуть и заглушили крик, оставив после себя лишь хриплое, болезненное скуление. Женщина осторожно усадила ее на край кровати, поспешно отходя, чтобы закрыть окно, а когда вернулась, стала стягивать насквозь мокрую от пота ночную одежду девушки. Вокруг них испуганно закружил пушистый серый кот, терся о ноги хозяек и напряженно мурлыкал.

– Что произошло? Что случилось? – пытааясь одновременно успокоить и свое дыхание, и панику дочери, Лукерья стала нежно поглаживать ее ладони, горячие и влажные.

Ева смотрела в темноту, ощущая присутствие внутри себя кого-то другого, и это пугало так сильно, что дрожь не унималась, несмотря на исходящий от нее самой жар.

– Больно, – единственное, что получилось прошептать, но реакция не заставила себя ждать. Женщина аккуратно помогла ей встать, попутно говоря что-то, и повела в ванную, неспешно, бережно, словно боясь испугать дочь, и без того находящуюся в оцепенении страха.

Что-то в груди рассыпалось, сгорало, и на месте старого зарождалось новое, совершенно неизвестное, далекое, обжигающе холодное и твердое. Девушку накрывала тоска по чужим жияням, по людям, которых она не могла знать, но

чувствовала к ним такое сильное и болезненное тепло, что становилось страшно. Дни, которые она не проживала, кружились в воспоминаниях, размытые, при этом такие близкие, родные. Заброшенные яблочные сады, запах меда, леса, усыпанные лавандой, теплый летний дождь, каменные стены мрачного, окутанного мглой поместья, море, темное и спокойное, с грустью наблюдающее за гуляющими на берегу людьми. Каждое новое ощущение прочно связывалось невидимой нитью с другим; годы, столетия соединялись воедино в юной голове Евы Бросковски, каждый шаг которой по холодному ламинату отзывался ноющей головной болью.

– Я чувствую все, чувствую их, мама, – Ева подняла полные непонимания глаза на Лукерью, отстраненную и будто вовсе не замечающую более состояния дочери. Она была глубоко погружена в свои мысли, ничего не произнося и даже не смотря в сторону девушки, – мама?

– Все будет хорошо, – ее голос резко похолодел, а взгляд потускнел. Женщина ушла в собственные воспоминания, но продолжала все также крепко держать Еву, не давая той вновь упасть на пол.

– Что со мной? – становилось все тяжелее дышать. Голоса в сознании были такими громкими, словно девушка находилась в толпе, и такими отчетливыми, что перекрывали даже шум набирающейся воды.

Она уже не пыталась прийти в себя, только ждала, когда все это закончится. Но ничего не заканчивалось. Обрывки

фраз, произносимых на неизвестном ей языке, повторялись, и только одно слово было четко слышно в потоке общей речи: «Геката». Оно звучало то женским, то мужским голосом, с самыми разными и самыми странными акцентами, с разной высотой и тональностью, но везде было что-то схожее, пугающее и притягивающее к себе одновременно.

– Геката, – простонала она вслед за неизвестными ей людьми.

Лукерья внимательно посмотрела на дочь и прошептала: «Я должна была обо всем рассказать тебе раньше», а после помогла ей опуститься в наполненную ванну.

Прохлада помогла девушке немного прийти в себя, но полноценно вернуться к реальности не удавалось. Ева была не здесь, не с матерью. Один вдох, и она погрузилась в воду с головой, неведомые образы уже рождались не в глубине ее сознания, она видела все вокруг себя. Как небо исчезает в поглощающей черноте, даря жизнь миллиардам звезд, как множество голосов утопают в темноте, сводят с ума, зовут к танцующим огням, сияющим в ночных просторах. Они тянут в прошлое, на устланную туманом землю, холодную, но живую, и в будущее, к таинственным закатам, безграничным лесам и луне, озаряющей их пеленой тусклого света.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Резко вынырнув и жадно наполнив легкие воздухом, Ева очнулась и распахнула глаза. Ее пробирала мелкая дрожь от холода, который исходил откуда-то изнутри. Девушка дотронулась до

своего солнечного сплетения и попыталась еще раз глубоко вдохнуть, когда ее плеча коснулась Лукерья.

На нее словно волной обрушилась память всего человечества, боль и радость каждого живущего ранее, а после также резко схлынула, оставляя лишь огромную пропасть внутри. Не было более ни огней, ни звезд, ни загадочного шепота незримых созданий.

Осталась только пустота.

– Как ты себя чувствуешь? – женщина постаралась проговорить это очень мягко, но в голосе звучало напряжение.

– Я ничего не чувствую, – прошептала Ева, неуверенно глядя на маму, – все прошло.

Выбраться из ванны получилось не сразу. На девушку накатила слабость, конечности будто налились свинцом, а голова гудела от пережитого. Ее вытерли и укутали в полотенце, осторожно и неспешно выводя из комнаты. Она не сразу обратила внимание на пульсирующие на руках вены, но с ужасом и удивлением охнула, когда заметила, что те отливали тусклым желтоватым цветом.

Лукерья ставила на кухне чайник, когда Ева опустилась рядом на стул, показывая ей запястья.

– Что это, мама?

– Подожди минутку, милая. Мне нужно кое с кем поговорить, и я все тебе объясню, – женщина вышла из комнаты, и Ева услышала, как она набирала номер на телефоне в спальне.

Она оставила дочку одну, а та уже спустя мгновение начала копаться в собственных мыслях, что ранее были полностью забиты неизвестными голосами и мелодиями. Девушка плотнее укуталась в уже влажное полотенце, и задержала взгляд на чайнике. Все происходящее казалось безумным бредом, и Ева ни за что не поверила бы в подобное, услышав от кого-то. Но это случилось не с кем-то, а с ней самой.

Если буквально несколько минут назад внутри все внутри кипело, то сейчас холод проникал под кожу, вгрызаясь в кости, а морозный воздух, предвестник надвигающейся зимы заставлял вздрагивать мокрую насквозь Еву. Полотенце уже не помогало, а потому она стянула его с себя, протирая длинные волосы.

Ей не сразу бросился в глаза их неестественно яркий оттенок, но, когда девушка обратила на это внимание, была готова закричать вновь.

«Не может быть», – ноги подкосились, когда она попыталась встать, и все же сумела направиться в ванную, к зеркалу, отражение в котором стало неузнаваемым.

В ушах гудело от пронизывающей тишины. Она была громче музыки, криков, любых звуков. Громче тишины оставались только лишь мысли, в остальном же – она оглушительна. Ева смотрела на юную девушку с глазами цвета оливок и бледной кожей. Черные круги и неизменно искусанные губы не были чем-то удивительным, в отличие от огненно-рыжих волос, что ранее были русыми, тусклыми и прак-

тически бесцветными. Пряди прилипли к шее, груди и спине, разглядеть их не составляло труда. Они практически горели, как и вены на руках.

– Ева? – Лукерья заглянула в комнату, остановившись в дверном проеме, и замерла, заметив испуганный, непонимающий взгляд дочери.

– Ты знаешь, что со мной? – Ева перешла на шепот, коснулась кончиками пальцев зеркального стекла и отошла на пару шагов, едва сумев успокоить дыхание и проглотить ком в горле.

– Боюсь, что да, – женщина взяла ее за руку, вновь возвращаясь на кухню. Чайник уже кипел, а через пару мгновений по комнате разлетелся приятный аромат успокаивающего чая, – ты помнишь Филиппа? Твоего дядю, мы жили с ним, когда ты была маленькая.

– Мы же не говорим о нем, – девушка немного неуверенно проговорила это, вновь сядя на стул и сажая себе на колени кота, – ты просила никогда не упоминать его.

Лукерья запнулась. Она поставила перед дочерью кружку свежесваренного чая и села напротив, коснувшись ее продрогших ладоней своими.

– Я совершила большую ошибку, когда решила, что тебе ничего не нужно знать. Я знаю, что происходит с тобой, но надеялась, что этого не случится. Что это не затронет тебя, как не затронуло меня, – женщина на какое-то время замолчала, наблюдая за реакцией Евы и позволяя ей хоть немного

понять, что происходит, – я не могу рассказать тебе многого, но мой брат может. Тебе нужно поехать к Филиппу, потому что с ним однажды произошло то же самое. И с ним ты будешь в безопасности.

В глазах Евы читалась паника и непонимание. Она сжала руки матери и поймала ее еще более растерянный взгляд.

– О чем ты говоришь? При чем здесь Филипп?

– Вы связаны. Ты сама все чувствовала.

Девушка покачала головой, отчетливо вспоминая все, связанное со своим дядей, но не видела никакой связи между ним и образами, появляющимися только недавно в сознании.

– Я никуда не уеду... – слезы предательски потекли по щекам, – мне нужна твоя поддержка.

– Прости меня, но ты должна, – Лукерья попыталась улыбнуться, хоть как-то скрыть свою печаль, но отчаяние дочери разрывало ее на части.

– Скажи хотя бы, что со мной? – она едва не перешла на крик.

– Сегодня предрешилась твоя судьба.

Глава 3

Алиса

Она хочет закричать, но не может вымолвить ни звука. Она хочет убежать, но не может сдвинуться с места.

Огромная библиотека в самом центре Игналины встретила Алису резким запахом пыли. Здесь не было ни одной живой души, и только пожилой библиотекарь сидел в углу приемной, не спуская глаз с единственной посетительницы.

Его внимательный взгляд пробежался по бледному лицу девушки, золотисто-красным волосам, заостренному носу, тонким губам, и остановился на черном костюме, что не облегало ее тело, оставался свободным, но все равно позволял Алисе выглядеть эффектно. От нее исходил легкий аромат пепла и свечей, ледяных озер и зимы, а каждая клеточка тела источала холод. Он видел ее впервые, но был уверен, что знает всю свою жизнь.

Любой, кто смотрел на нее со стороны, видел некое подобие двуличности во взгляде, походке, манере речи.

Она выглядела отталкивающей и манящей одновременно, как потаенные людские страхи и желания, мрачной, как густой непроходимый лес, чистой, как вода в горных реках. Та-

инстинктивно знакомой, но неизвестной.

И каждый, кто ловил ее взгляд, тонул в непроглядном омуте.

Девушка не произнесла ни слова, заходя в основной зал, заставленный стеллажами с книгами, брошюрами, журналами. Названия многих произведений, особенно стоящих в глубине, невозможно было прочесть из-за слоя въевшейся пыли, углы были надорваны, а некоторые и вовсе остались без обложек, и лишь она одна, книга в бархатном голубом переплете, лежала в первом ряду, нетронутая, чистая, словно кто-то специально принес ее сюда только вчера. На обложке золотистыми буквами было написано: «Σελήνη²». Больше не было ничего – ни автора, ни рисунков, корешок оставался полностью пустым.

Алиса провела по переплету кончиками пальцев, осторожно коснулась книги со всех сторон, будто бы зрительно убеждаясь в подлинности тома. Одно движение – и она уже была спрятана в глубине сумки.

Губы дрогнули в неестественной полуулыбке, стоило заметить замороженный, но внимательный взгляд библиотекаря. Едва девушка позволила себе разглядеть его, как тут же отвернулась и поспешно направилась к выходу.

Мужчина неожиданно позвал ее, прокричал вслед, прося остановиться, словно знал, кто она такая, но стоило ей только ступить за порог – мгновенно забыл все – лицо, одежду, цвет

² В переводе с греческого «Луна»

волос, глаз, в которые он так внимательно всматривался, походку и запах, голос, хотя даже не был уже уверен, произнесла ли она хоть что-то. Все ее черты растворились в городском тумане, образ поблек, рассыпался на миллиарды осколков в его памяти вместе с книгой, которую она унесла.

Небо неприветливо встречало всех находящихся на улице людей. Оно еще сильнее затянулось тучами, а через мгновение на город нахлынул дождь сильнее прежнего. Косые потоки воды смывали и без того блеклые краски, все вокруг открыли зонтики, засуетились, спеша скрыться от напора стихии. Холодный ветер дразнил их, омывал стекающими с небес каплями, кружил волосы и щекотал оголенные участки тела.

Вокруг стало пустынно за считанные минуты.

Никто не был доволен такой неожиданной сменой погоды, кроме Алисы. Она отдалялась от библиотеки, с воодушевлением наблюдая за искрящимся молниями горизонтом. Мокрые рыжие волосы, спадали на лицо, и девушка несколько раз безуспешно попыталась убрать их назад. Промозглый воздух ничуть не беспокоил ее, в отличие от сохранности книги.

Она зашла в кафе, находящееся поблизости, и набрала на телефоне уже знакомый номер.

– К ней никто даже ни разу не прикоснулся, – начала Алиса, не тратя время на приветствие.

– Еще бы, ты же положила ее на самое видное место, – из

трубки послышался хриплый голос, вслед за которым последовал смешок.

– Филипп, – немного раздраженно произнесла девушка, – главное, что она здесь, остальное не важно.

Мужчина на другом конце провода какое-то время молчал, а после добавил уже совершенно серьезно:

– Во сколько мне подойти, чтобы забрать тебя?

– Я буду ждать тебя утром.

Покой Алисы, мирно спавшей на втором этаже, нарушило эхо от стука, доносившегося снизу. Девушка проснулась, и перед тем, как спуститься, накинула на себя первую попавшуюся одежду.

На улице еще не рассвело, весь мир спал, так тихо и спокойно, будто не было вчера бушующей стихии, разверзнувшихся небес, окутавших Игналину проливным дождем и ледяным ветром.

Открыв дверь, Алиса едва не охнула от неожиданности.

– Филипп? – она явно не ожидала увидеть своего давнего друга так рано.

– Филипп? – с тем же удивлением переспросил мужчина, осмотревшись по сторонам, и уже после этого пересек порог дома, проникая внутрь. На его лице появилась саркастическая улыбка.

– Тебя не учили, что нормальные люди не приходят в гости ночью? – девушка показала на часы. Циферблат показывал без четверти пять.

Мужчина посмотрел на время и удивленно уставился на собеседницу.

– Люди? – усмехнулся он и добавил, – и тем более уже утро.

– Я ждала тебя хотя бы на рассвете, – Алиса закатила глаза и закрыла входную дверь, направляясь вслед за Филиппом, который по-хозяйски располагался на кухне, ища чайник.

– Если ты не против, я пойду и посплю еще немного, – закончила свою мысль девушка и, не дожидаясь ответа, поднялась обратно к себе, снова ложась в постель и предоставляя мужчину самому себе.

Облака не позволяли понять, который час. Было пасмурно и, вероятно, очень ветрено, ведь окна на втором этаже издавали ровный высокочастотный свист, не затихая ни на минуту.

Филипп готовил что-то на кухне. Девушка, в свою очередь, переоделась и без особого желания спустилась. Ее золотые волосы были убраны в небрежный пучок, а тело облегал комбинезон цвета индиго с очень откровенным вырезом на груди.

– Доброго утра, – Алиса села за обеденный стол, закидывая ногу на ногу и придвигая к себе деревянную пепельницу. Тонкие пальцы скользнули по лежащему рядом мундштуку, она поместила в него сигарету, а следом зажгла ее красного цвета спичкой.

– Выспалась? Кофе будешь? – Филипп с усмешкой глянул на девушку, после продолжив заниматься утренней рутинной.

– Который час?

– Около девяти утра, – он по-доброму улыбнулся собеседнице, когда подошел и сел рядом, протягивая ей чашку.

Благодарно кивнув, Алиса сделала несколько небольших глотков обжигающего напитка и на какое-то время прикрыла глаза, собираясь с мыслями.

– Напомни, что мы делаем в этом забытом всеми месте?

– Служим Луне, – коротко и ровно ответил Филипп, выпивая свой кофе.

– Мы отдали ей свою жизнь, – девушка сделала короткую затажку, с раздражением взглянув на кружку так, словно та было в чем-то виновата, – и твоя племянница тоже скоро отдаст.

– Она не первая и не единственная, – он искреннее старался держать лицо, но беспокойство витало в воздухе. Сделав небольшую паузу, мужчина добавил, – мне ни разу не приходило в голову, что Ева может стать Вестницей. Я не был готов к этому.

– Ты волнуешься за нее, – закончила за Филиппа Алиса, –

но я не могу тебя поддержать. Она попала в западню, и ты это прекрасно понимаешь. Никто не может уже ничего сделать.

– Ты не помогаешь, – отрезал мужчина, посмотрев ей в глаза и тяжело вздохнув.

– Я выполняю свою работу, – голос девушки задрожал, и она замолчала, отведя взгляд.

Капли с силой начали бить по стеклу, дождь в одно мгновение снова обрушился на город, омывая его ледяной водой. Никто больше ничего не говорил, Алиса, казалось, даже не дышала в перерывах между затычками, погрузившись в собственные мысли, из которых ее вырвал резкий голос Филиппа.

– Мы не можем больше ждать, она должна была приехать утром, и, скорее всего, уже приехала, – мужчина поднялся с места, отставляя недопитый кофе и накидывая на себя джинсовую куртку с капюшоном, чтобы хоть немного скрыться от ливня.

Девушка молча встала вслед за ним, взяла свою сумку, положив туда помимо книги предварительно очищенный мундштук, и направилась к выходу из дома.

Черный легковой автомобиль стоял прямо возле крыльца, Филипп уже загрузил в багажник вещи и сел на водительское сидение, заводя мотор. Алиса обошла машину, по обыкновению игнорируя стихию, и опустилась рядом.

Большую часть дороги они ехали молча, оба наблюдали за тем, как город сменяется лесным пейзажем, еще более хо-

лодным и неприветливым, чем каменные постройки.

– Давно последний раз выбирался в центр? – девушка, наконец, повернула к мужчине голову, замечая, насколько крепко он держал руль и как было напряжено его лицо.

По сравнению с, пусть и достаточно высоким, но экоморфным телом Алисы, Филипп казался устрашающим – крупный, крепкий, имеющий грубые черты и низкий строгий голос. Он был похож на викинга, особенно в сочетании с густой бородой и янтарными, спадающими до плеч волосами, которые мужчина чаще всего убирал в высокий хвост.

От него пахло сыростью и влагой, кожей ботинок и крепкими сигаретами. В отстраненном взгляде девушка видела волнение и панику, что уже не получалось искусно скрыть.

– Я даже рад, что она будет рядом со мной, – тише обычного заговорил Филипп, – я хочу помочь ей привыкнуть ко всему, потому что даже не представляю, каково ей в свои семнадцать узнать, что она должна посвятить жизнь служению древнему культу.

Алиса не хотела ничего отвечать, но слова сами вырвались наружу.

– Пусть скажет спасибо своей матери, – она ухмыльнулась, вновь посмотрев в окно, – у многих Вестников просто не было выбора, некому было рассказать им. Но твоя племянница – наследница, и вы должны были прекрасно понимать, что стоит ее просветить.

– Алиса, – прервал мужчину, не отводя глаз от дороги.

– Что мы должны ей сказать? Как ты будешь объяснять, почему не поделился с ней раньше знаниями о Вестниках?

– Никто не думал об этом, черт возьми! – Филипп выплюнул эту фразу перед тем, как подъехать к дому. Припарковавшись во дворе, он вышел, и, обойдя машину, открыл дверь Алисе, – Ты поможешь ей. И я помогу.

Девушка уже хотела съязвить, но вовремя осеклась, и вместо грубых слов только кивнула.

К тому моменту, как они доехали до другого конца города, дождь стих, оставив после себя лишь множество луж и грязь. Знакомое здание с номером 32 50, окруженное лесом, должно было стать прибежищем Алисы на ближайшие несколько месяцев.

Мужчина вытащил сумку с книгой, далее – вещи, и в самом конце заметил лежащую в багажнике широкополую черную шляпу, которую девушка тут же надела, довольно улыбнувшись.

– Я не могла не взять ее с собой, – будто убеждая саму себя, прощebetала Алиса и подмигнула Филиппу, делая вид, что не было их напряженного диалога, едва не переросшего в ссору.

Глава 4

Ева

Она чувствовала опустошение, и это пугало сильнее, чем таинственные голоса, проносящиеся сквозь глубины сознания. Все внутри потухло, словно свеча, еще не успевшая загореться.

Ева сидела в объятиях матери на диване, укутанная мягким пледом. Небо было чистым, как никогда, словно не было вчера раскатов грома, капли дождя не танцевали с морозным ветром, гонимым с севера.

Лунный свет, пробивающийся в окно, покрывал мерцающим полотном всю комнату, ласково касался золотых волос девушки, ее потерянного и наполненного смутением лица, блуждал по неестественно сияющим венам, едва заметным под покрывалом.

– Прости меня, прости меня, – женщина обхватила руками дочь, прижала к груди, продолжая шептать, – прости, из-за моей самонадеянности у нас не осталось времени, чтобы подготовить тебя.

– Мне страшно, – Ева судорожно задрожала, слезы предательски потекли по щекам, а голос стал совсем тихим и буд-

то бы болезненным, — я слышала голоса, они звали меня, я ничего не понимаю.

Лукерья ласково поцеловала ее макушку, подбирая нужные слова.

— Ничего не бойся. С тобой ничего не случится, я обещаю, что Филипп позаботится о тебе, — она нежно коснулась холодных запястий дочери, провела пальцами по пульсирующим венам, кистям, а следом поднесла их к губам и мягко поцеловала, — ты должна уехать, потому что я не могу рассказать тебе все, что нужно.

Голос мамы, приятный и родной, пронизывал темноту, теплые прикосновения успокаивали внутреннюю дрожь, хоть слезы и продолжали течь по щекам Евы.

— Тебе придется жить жизнью, отличающейся от той, к которой ты привыкла. Ты не такая, как остальные, милая, ты была избрана богами.

— Что? — девушка, казалось, перестала дышать, — кто я?

Тишина на мгновение заполнила комнату, она услышала собственный пульс в висках, чуть сжав ладони Лукерьи от напряжения и нахлынувшего вновь волнения.

— Ты — Посланица Луны на Земле. Я не могу ничего больше сказать, но клянусь, тебе ничего не будет угрожать у Филиппа. Ты сможешь доверять ему, будешь под его защитой, в вас обоих течет иная кровь. Я не имею права делиться знаниями, это может сделать только твой дядя, поэтому ты должна поехать к нему.

Голос матери становился все более тихим, в какой-то момент она заговорила шепотом, погладила дочь по волосам еще раз, и трепетно прикоснулась к макушке губами, прикрыв влажные глаза. Ева обняла ее крепче, не стала больше сдерживать слезы, позволила эмоциям вырваться наружу.

– Я вернусь?

– Я боюсь, что нет, – Лукерья замолчала, подавляя пульсирующую боль от рвущейся на части души, руки, касающиеся дочери, дрогнули, – ты стала сосудом, заполненным лунным светом, судьба уготовила для тебя этот путь, и ты должна жить рядом с такими же, как ты.

– С Посланниками Луны? – девушка подняла на маму полные слез глаза, и заплакала вновь, – я не могу вот так покинуть тебя, наш дом...

– Глаз поедет с тобой, ты хочешь? – женщина вытерла пальцами влажные глаза и посмотрела на пушистого серого кота, который мурчал, лежа в ее ногах, – кусочек нашей семьи всегда будет рядом.

Ева шумно втянула в себя воздух, прежде чем ответить, но снова расплакалась.

– Ты же тогда останешься совсем одна.

– Ты всегда будешь моей дочерью, милая, я никогда не буду одна, зная, что у меня есть ты.

Боль от непонимания, страха и паники, прожигающая насквозь несколько часов подряд, постепенно угасала. Ева уснула в объятиях матери, лежа у нее на коленях, так крепко,

что не помнила под утро всех беспокойных снов, пришедших к ней из-за пережитых волнений.

Рассвет встречал Еву теплым желтоватым свечением, льющимся с горизонта и постепенно накрывающим весь мир. Солнце медленно и неторопливо продвигалось все дальше по безоблачному небу, не беспокоя девушку, пока его лучи не коснулись дивана, на котором Ева провела остаток ночи. Она недовольно поморщилась и хотела уже перевернуться на другой бок, чтобы проспать еще несколько часов, но почувствовала мягкое прикосновение маминой руки.

– Просыпайся, милая, – Лукерья погладила дочь по плечу и отошла к плите, поставив на нее чайник.

Ева перевернулась на спину и взглянула на потолок широко раскрытыми глазами, сонливость исчезла, стоило вспомнить все события прошедшей ночи.

– Я собрала твои вещи, – очень тихо добавила женщина, – взяла несколько теплых свитеров, джинсы, кофты, платье, все, что ты носишь в последнее...

– Мам, – Ева перебила ее и села, – спасибо тебе за то, что была вчера со мной.

– Я люблю тебя, – она подошла к дочери и опустилась рядом.

– И я тебя.

От ее объятий исходила теплота родного человека, и Ева была уверена, что она будет скучать по ним. Чемодан, в котором была собрана вся жизнь девушки, стоял у входной две-

ри, в то время как она сама позволила себе провести спокойное и приятное утро.

На кухне играла легкая музыка, доносящаяся из радио и сменяющаяся неразборчивыми разговорами ведущих, солнце уже полностью освещало комнаты квартиры, Еву, сидящую за столом и Лукерью, что заканчивала готовить завтрак. От еще горячего чая вверх тянулся дым, и девушка грела ладони о чашку, смотря на маму.

– Два яйца со свернувшимися желтками, как ты любишь, – она поставила перед дочкой тарелку и улыбнулась, хоть в глазах женщины и читалась глубокая печаль.

Они хотели провести последнее утро вместе в атмосфере уюта и радости, а потому не разговаривали больше о случившемся ночью. Ева сделала небольшой глоток чая и поморщилась, прежде чем проглотить его.

– Горячий, – прошептала она, отвлекаясь на яичницу, что должна была быть более благосклонна к девушке.

Аппетита не было, но перед долгой дорогой стоило перекусить, заставить себя съесть хотя бы несколько кусочков, дабы избежать укачивания от тряски в машине. Дом ее дяди находился в двух часах езды от Вильнюса, в городе, окруженном со всех сторон лесом.

Ева почти ничего не помнила об Игналине, кроме того, что ей не разрешали гулять в лесу и даже заходить в него было запрещено. Но, будучи девочкой, она часто убегала и бродила по окраине леса, когда Филипп с мамой были заня-

ты своими делами, изучая растения, слушая пение птиц и наблюдая за мелкими животными.

– Я собрала тебе с собой всю косметику, духи, еду для Глаза на первое время...

– Спасибо, мамуль, – Ева не дала Лукерье договорить и заставила себя улыбнуться.

Она посмотрела на маму, придавая своему лицу благодарное выражение, но после все ее внимание было направлено на яйца, которые она протыкала вилкой, разделяя на маленькие части. Это было, пожалуй, самое долгое утро в ее жизни.

Время тянулось медленно, но оно не могло остановиться совсем, и пришло к тому моменту, когда девушке уже нужно было уезжать.

– Глаз, иди ко мне, – Ева подняла на руки кота и аккуратно посадила его в переноску, попутно нежно целуя в мягкую шерстку, – тебе придется немного посидеть здесь.

– Такси подъехало, – Лукерья выкатила чемодан в коридор и тут же обняла дочь, крепко и явно не желая отпускать.

– Я буду очень по тебе скучать, – она прижалась к маме, едва сдерживая слезы.

– Легкой тебе дороги, и позвони мне, когда приедешь.

– Хорошо, – они синхронно вытерли влажные глаза и попытались улыбнуться, чтобы сгладить тяжелое прощание.

За окном проносились чередой лесов, поселков, рощ, пропитанных дождевой влагой и пронизанных осенним ветром. Чем дальше от столицы отъезжала машина, тем сильнее она

тонула в густом тумане, а Ева в собственных мыслях.

Тревога, до этого подавляемая внешним спокойствием и отвлеченными мыслями, сейчас захлестывала девушку. Онаехала в Игналину, к своему дяде, с которым не общалась около десяти лет, без надежды вернуться домой. Колени дрожали, а ладони от чрезмерного волнения становились влажными. Ева откинулась на спинку сидения и начала считать до десяти, в надежде уснуть.

Покачивания от неровной дороги помогли ей окунуться в приятную дрему, которая, к сожалению, длилась недолго, и машина остановилась. Девушка протерла глаза и взглянула в окно.

Они подъехали к старому двухэтажному дому, вокруг которого простирался густой лес. На улице недавно шел дождь, и передний двор, за исключением галечной тропинки, утонул в грязи. Он практически не изменился за много лет, кирпичный, с деревянными окнами, без газа и с ветхой, обшарпанной входной дверью. Легкие девушки сжимались при каждом вдохе от болезненно знакомых запахов и чувств, возникающих при виде него.

– Вам точно сюда? – поинтересовался водитель, рассматривая неприветливое здание.

– Да, спасибо большое, – пробормотала Ева и выбралась на улицу, в одну руку взяв переноску, а в другую ручку чемодана.

Она неспешно направилась к дому, с каждым шагом дро-

жа все сильнее, боялась войти туда, увидеть перед собой родного человека и осознать, что он стал для нее безмерно далеким, а потому не спешила, всеми силами растягивала время перед встречей.

Ступеньки, оказавшиеся под ногами слишком быстро, закрипели, как и весь порог, неизведанной музыкой отзываясь на шаги гостьи. Дверь открылась спустя три коротких стука, из нее показался высокий молодой парень, оглядевший Еву взглядом голубых глаз.

– Простите?

– Не стесняйся, – он мягко улыбнулся и отошел, позволяя Еве проникнуть внутрь.

В прихожей пахло сыростью, холодный осенний воздух сочился из щелей в стене, покрытой белой штукатуркой. Рулон обоев лежал в углу, возле стопки хаотично разбросанной обуви.

Она знала этот дом, но не была знакома с тем, кто открыл ей дверь. Парень представился другом ее дяди.

– Я Марк, – незнакомец помог Еве снять куртку, – Филипп попросил меня встретить тебя, так как сам отлучился по важному делу.

– Скоро он вернется?

– Думаю, ты успеешь разложить все свои вещи и отдохнуть после дороги, – они оба окинули взглядом чемодан.

– Я Ева, – пробормотала она немного растерянно и улыбнулась.

Марк оглядел ее с ног до головы, остановившись на слегка покрасневшемся лице.

— Я знаю.

Поднимаясь на второй этаж, она старалась не поддаваться волнению. В ее голове крутилось слишком много вопросов, на которые пока еще не удавалось получить ответы. Оглядев неосвещенный коридор, девушка толкнула одну из дверей.

Старая комната Евы не изменилась за все эти годы, но, опустев, она потускнела, мебель успела выцвести, а все поверхности покрылись толстым слоем пыли. Глаз с любопытством изучал каждый угол, в то время как его хозяйка, остановившись у подоконника, рассматривала лес.

Неизменно величественный и спокойный, он холодно наблюдал за игривыми танцами ветра вокруг хвойных ветвей, как сам Филипп однажды следил за ребячествами племянницы среди елей и сосен, пока она думала, что ее никто не видел и не знал, где она.

От этого места веяло воспоминаниями, каждая трещина в стене имела свою маленькую историю, все запахи и звуки пробуждали особые чувства, будто возрождая детскую душу. Но, несмотря на все это, беспокойство не исчезало.

Девушка распахнула окна, впуская в спальню свежий воздух, и направилась к кровати, отмечая, что та уже была застелена свежим бельем. Сняв с себя верхнюю одежду, она легла на постель и, едва прикрыла глаза, чтобы еще немного подумать о происходящем, как провалилась в сон.

Глава 5

Ева

Еву разбудил залиvistый женский смех, доносящийся с первого этажа. Потребовалось несколько минут, чтобы понять, реальные это голоса или всплывающие из сознания обрывки образов. Как только девушка вышла из такси несколько часов назад, видения стали ярче, словно дом Филиппа был их эпицентром. Голос внутри бесконечно шептал что-то неясное, в то время как тело болезненно пронзали незримые нити, обвивали конечности, всю мебель вокруг и тянулись до самой крыши.

Раньше она любила прокручивать у себя в голове момент возвращения в родной город. Представляла, как сможет снова почувствовать запах хвои, прогуляться по лесным тропинкам с дядей, послушать его легенды о созданиях, таящихся меж ветвей и пожарить вечером на заднем дворе несоленую картошку.

Ева попыталась глубоко вздохнуть, но грудь сковывало, несмотря на обилие свежего воздуха. Обманчива была мысль, что жизнь может стать прежней спустя столько лет.

Она начинала ощущать в себе необъяснимые, неприят-

ные перемены, и нуждалась в ответах, а потому быстро переделалась в удобную домашнюю одежду, завязала непривычно пламенные волосы в высокий хвост и спустилась.

Внизу, в гостиной, два человека что-то оживленно обсуждали. Первым девушка заметила Филиппа, раскинувшегося на половину дивана, а рядом с ним, закинув ногу на ногу, грациозно восседающую незнакомку.

У нее, как и у остальных присутствующих, были золотые волосы, убранные и открывающие красивые плечи, при том половину лица закрывала тень от черной широкополой шляпы. Меж двумя пальцами правой руки был зажат длинный красный мундштук с сигаретой, дым от которой тянулся тонкой струйкой к потолку. Утренний свет, сочащийся из окон, окрасил ее ладони и шею болезненно-пепельным цветом. Она выглядела истощенной.

Марк держался чуть поодаль, его взгляд блуждал по потолку, покрытому множеством трещин и мелких дыр, в нем витала задумчивость, что растворилась мгновенно, стоило ему заметить вошедшую Еву.

– Выспалась? – парень добродушно улыбнулся.

– Мы ждали тебя, – незнакомка подошла к Еве, протягивая руку. От ее голоса воздух словно завибрировал – ласковый и мелодичный, он напоминал пение, которое девушка слышала в своем сознании, – Я Алиса.

– Ева Бросковски, – немного растерянно проговорила Ева и ответила коротким рукопожатием.

- Я уверена, ты хочешь узнать, что с тобой произошло.
- Мама сказала, что что я стала посланницей Луны.
- Это так, – в разговор вмешался Филипп.

Он поднялся со своего места и осторожно положил свою ладонь на девичье плечо.

- Мы – Вестники Темной Луны, ты стала одной из нас.
- Когда я была дома, голоса звали меня будто из земных глубин. Вчера ночью я услышала зов, неизвестные люди шептали в голове имя «Геката».

– Геката – наша Богиня. Богиня Темной Луны, а мы – ее Служители. Она избрала нас когда-то, как и тебя сейчас, – Филипп старался говорить как можно мягче, но напряжение невозможно было скрыть. Оно витало в воздухе, и было словно осязаемым.

– О нашем предназначении, нас и нашей жизни в целом ты узнаешь отсюда. Эту книгу наши предки хранили и передавали новым Вестникам, в ней собрано все, что тебе необходимо, – Алиса аккуратно вложила в руки Евы тяжелую книгу с неизвестными ей узорами на обложке, – эти символы означают «Луна», обычно мы называем Гекату именно так.

Ее ровный голос помог Еве успокоить дыхание, но руки продолжали дрожать. Она взяла том и открыла на первой странице. Некоторые слова были словно стерты, но это не мешало понимать текст.

– Для тебя все это еще туманно, ново, но ты привыкнешь. Ты все поймешь, и сможешь, – казалось, Алисе приходилось

прилагать усилия, чтобы говорить спокойно, – помни, что ты не выбирала этот путь, как и мы, но должна принять его. Ночь воззвала к тебе, и скоро ты навсегда переродишься.

Ева прикрыла глаза, но почувствовала на себе изучающий взгляд. Это был Марк. Парень внимательно рассматривал девушку, взгляд блуждал по волосам и губам, скользил ниже, по очертаниям тела до самых ног и остановился на глазах.

– Лучше начать читать ее сейчас, – улыбка осветила лицо Марка, после чего он отвернулся к окну.

– Да, – девушка чуть сильнее сжала книгу в руках, – я пойду обратно наверх, если вы не против, – она посмотрела на Филиппа, тот лишь кивнул.

Глава 6

Алиса

– Я тоже пойду отдохну, – Марк провел влажной ладонью по волосам и ушел вслед за Евой на второй этаж, оставив Алису и Филиппа наедине.

– Ты молодец, – Филипп проигнорировал невольный смех своей собеседницы, которая сразу же после ухода Евы вновь упала на диван.

– Заткнись, – она попыталась улыбнуться, но скрыть раздражение становилось все сложнее.

Мужчина опустил рядом и скрестил руки на груди.

– Все еще винишь меня в том, что я ей не рассказал?

– Я считаю, что ты совершил ошибку, – девушка глубоко вздохнула и повернула к нему голову.

– Принимать новеньких Вестников – твоя работа.

Алиса не могла успокоиться. Странное ощущение проникло под кожу, живот сводило от *предчувствия*. Атмосфера в доме была напряженной, и даже воздуха, казалось, перестало хватать.

– Извини, – она осторожно прикоснулась кончиками пальцев к мужской руке и поднялась, направляясь к двери, веду-

щей на задний двор, — я пойду прогуляюсь, не скучай здесь.

Девушка села на ступеньки и поднесла к губам недокуренную сигарету. Необъяснимая боль окутывала ее с ног до головы.

Она вспомнила ранние годы своего существования. Алиса привыкла жить отстраненно от всего мира, появляться в доме Филиппа лишь несколько раз в год, во время обрядов, которые было необходимо проводить или когда Луна избирала нового Вестника. В остальное время она скиталась по стране и нигде не могла найти себе покоя.

Хоть она и не чувствовала холода, забота была ей приятна, и когда Филипп предложил ей кружку горячего кофе, была благодарна ему.

— Меня пожирает чувство одиночества. Я завидую тебе, у тебя есть сестра, племянница. Будь я на твоём месте, сама бы поехала за ней в Вильнюс, рассказала все ещё по дороге и утешала.

Мужчина накрыл её ладонь своей сильной рукой, не произнося ни слова, в то время как её заполняли мысли о небытии, жизни, смысле существования, поглощали её изнутри.

— Я никогда не служила Луне с лёгкостью, присущей другим Вестникам, мне всегда внушали, что я обязана это делать. Моя жизнь давно перестала иметь смысл, я стараюсь просто жить каждым мгновением, но невозможно вечно бежать от самой себя.

Она сделала паузу, чтобы сделать несколько глотков об-

жигающего горло напитка, и продолжила, уже тише, боясь, что кто-то может услышать.

– Не знаю, сколько мне еще придется быть здесь, но я хочу уехать, Филипп. В этом доме я только сильнее, чем где-либо чувствую, что застряла в бесконечной паутине, в которую то и дело попадают новые жертвы. Кто-то считает Луну Богиней, дарящей шанс на новую жизнь, но для меня это – проклятие.

– Мы все зависимы, и никто не рад этому, – Филипп обнял Алису за плечи, – пока кисти наших рук украшают золотые вены – мы принадлежим Ей.

– Я вижу в Еве молодую себя, неопытную, маленькую, ничего не понимающую, и боюсь, что эта жизнь принесет ей, как и мне, одну лишь скорбь и разочарование, – слова давались ей с огромным трудом, казалось, будто в горло вонзили нож, но держать в себе все эти мысли было еще хуже.

Мужчина забрал из рук девушки сигарету и, делая короткую затяжку, всмотрелся вдаль, на вечнозеленые деревья, вокруг которых кружили стаи ворон. Лес поприветствовал двух Вестников шумным шуршанием ветвей, он только пробуждался, накрытый постепенно рассеивающимся послеобеденным туманом, расправлял свои корни, но уже внимательно наблюдал за Филиппом и Алисой.

Капли дождя стекали с крыши дома, вместе с шумом ветра создавая мелодию, что просачивалась прямо в сознание. Одна из капель упала в кружку девушки, выводя обоих из

легкого транса.

– Тебе не кажется, что это все похоже на сон? – мужчина постучал пальцами по крыльцу и отвел взгляд от леса.

– Возможно, это он и есть, – Алиса усмехнулась, отставляя свой кофе, – все мы – просто сны богов?

– И когда они проснутся, навечно уснем уже мы, – Филипп усмехнулся, а после поднялся со своего места и протянул девушке руку, – мне нужно съездить в город, не хочешь со мной?

Она встала следом, поправила одежду и кивнула.

– Я всегда рада выбраться из этой дыры.

– Не называй мой дом так, – Вестник хмыкнул, но без тени обиды.

– Перестану, когда сделаешь в нем ремонт, – Алиса зашла внутрь и сразу же двинулась в сторону главного входа, осматривая потрепанную от старости крышу и показательно качая головой.

Глава 7

Ева

Холодно, сыро и темно. Ева крепко держала в руках книгу и шла по коридору, подрагивая от сквозняка. Глаза всматривались в полумрак, царящий здесь практически круглосуточно.

Девушка зашла в комнату и хотела уже закрыть дверь, но Марк резко остановил ее, подставляя в дверной проем ногу.

– Я не слышала твоих шагов, – Ева немного растерянно посмотрела на парня.

– Я бы хотел поговорить с тобой наедине, если ты не против.

Она кивнула и отступила, позволяя ему войти.

– Мне кажется, Алиса и Филипп не очень стремятся как-то помочь тебе или что-то рассказывать, так что, если хочешь, я объясню тебе все. Я видел твоё смятение, когда Алиса вручила тебе книгу, но, не волнуйся сильно, по крайней мере постарайся и поверь, каждый из нас чувствовал в самом начале то же самое, что и ты в течение всего сегодняшнего дня.

– Мне самой немного неловко быть с Филиппом откры-

той, мы не общались слишком долго, чтобы до сих пор считаться родными людьми, – Ева отвела взгляд, по телу пробежал еле заметный холодок.

– Он вообще ни с кем особо не ладит, как и Алиса, но, так уж вышло, что она у нас встречает новеньких, ну а Филипп, он, как мне известно, твой дядя.

– Да, все верно.

– Мы можем присесть?

Она кивнула и опустилась на край кровати вслед за Марком. Девушка отложила книгу, мысленно обещая себе прочесть ее позже, и взглянула на кота, который легонько толкнул головой дверь, и когда та открылась, вышел в коридор.

– Ты говорила о голосах, о том, что слышала имя Богини.

– Я и сейчас слышу. Стоило мне приехать сюда, как все мелодии и слова превратились в осиный рой, шелестящий в ушах каждый раз, когда я задумываюсь об этом.

– Филипп был прав, когда говорил мне, что в его доме все пойдет стремительнее. Это место так влияет на тебя, потому что здесь живет Вестник Темной Луны.

– Марк, а где живешь ты?

– Я? – парень переспросил, удивленно улыбнувшись и проведя рукой по волосам, – в общем-то, тоже здесь.

– Всегда?

– Да, мы с Филиппом несмотря на то, что, по сути, очень разные, много раз помогали друг другу, и сейчас стараемся держаться вместе.

– А Алиса?

– Честно, не знаю. Она то здесь, то там. Единственное, что мне известно – она часто бывает в Польше, по крайней мере, бывала.

Ева отвлеклась от диалога, обратив внимание на необычную татуировку, покрывающую плечо Марка.

– Что это?

– Где? – парень взглядом последовал за Евой, – а, это Вегвизир. Другими словами, рунический компас или указатель пути. Здесь у многих есть символы, которые помогают во время различных обрядов.

– И часто вы эти обряды проводите?

– Как прикажет Геката. Как правило, несколько раз в год, если не считать принятия новых служителей.

– Мне кажется, – Ева сделала паузу прежде, чем продолжить, и прикусила губу, – Филипп всегда знал, что я должна была вернуться в этот дом.

Марк ненадолго задумался, по его глазам было видно, что он старался правильно подобрать слова, в то время как девушка осматривала свою комнату.

– Вестниками часто становятся люди из одной семьи, многих избирают целыми поколениями. Например, тетю и племянника, или наоборот, но также нередко в круги «приходят» посторонние, которые никогда раньше не слышали о Гекате.

Он посмотрел на Еву, убеждаясь, что она понимала, о чем

он говорил.

– Я до избрания не верил во все это, был категоричен во всем, что касалось магии или религии. Чем больше вопросов я задавал, тем меньше получал ответов, и вскоре оставил попытки разобраться. Начало служения перевернуло мою жизнь с ног на голову. Сейчас практически никто не говорит о старых богах, древние религии давно умерли, и их уже и не пытаются воскресить. Впрочем, нам это и не нужно. Я хочу кое-чем с тобой поделиться, собственными мыслями и наблюдениями, которые, возможно, тебе помогут.

Девушка кивнула, удобнее располагаясь на кровати. Она надеялась, что хотя бы Марк сможет ей что-нибудь объяснить.

– Человек, как только он стал разумным, задумался над тем, откуда появилось все окружающее его материальное пространство, откуда взялся он сам, что или кто находится за гранью видимого ему мира и стоит за всем этим. Действительность, в которой он обитал, казалась ему недостаточно полноценной, ведь было слишком много всего, выходящего за рамки его понимания. Их познания о мире ограничивались сроком их смертной жизни, но что, если их естество – это не их тело, а нечто большее, существующее до и после их жизни здесь? Постепенно люди пришли к тому, что их тело – тленно, а разум – вечен.

– Если все, что мы видим, это наше субъективное восприятие, то, где истина? – спросила Ева, неотрывно смотря на

своего собеседника.

– Истину ведают боги. Человек пребывает в забвении в нашем мире, он не помнит того, что было с ним до рождения, и не знает, что будет после. Боги даруют все то, что мы называем удачей и вдохновением, страданиями и счастьем. Они заключили сделку с людьми – благосклонность творцов взамен на поклонение творений пред ними. Путь человечества предписан судьбой, а судьба – в их руках.

Он невесомо коснулся пряди волос девушки.

– Но мы уже не люди. Мы не можем поклоняться никому, кроме одной лишь Гекаты. Наша богиня дарует людям блага до тех пор, пока ее Вестники служат ей и наполняют ее силой. Все в мире взаимосвязано. Мы – создания богов, принятые в объятия Богини Темной Луны, ибо она сейчас правит на Земле. Мы совершаем ритуалы, дабы насытить ее. Боги нуждаются в нас не меньше, чем мы в них.

– Но, если люди сами пришли к богам, и те открылись им, почему в мире у них столько имен и обликов? Бога солнца изображают то молодым светловолосым юношей, то старцем с длинными седыми волосами?

– Ева, протяни вперед руку.

Девушка послушно вытянула перед собой ладонь и посмотрела на нее.

– Ты чувствуешь пальцами воздух?

– Да.

– Но ты не видишь его, верно?

– Да.

Ева кивнула и пошевелила рукой, словно ребенок, впервые узнавший о существовании атмосферы.

– Боги в описаниях разных народов представляются абсолютно по-разному, но все же истории о них звучат примерно одинаково. Однако, им не свойственно то же постоянство, что людям. Они не привязаны к смертной плоти, а потому могут существовать одновременно во многих местах и во многих обликах; людям не дано познать их истинной сущности, потому боги являются к разным народам в более привычном для них, «упрощенном» облики. Иначе смертные не способны увидеть божеств. Проще говоря, люди называли Луну Гекатой, но не они дали ей это имя, а она им. И к некоторым народам она представала под иными именами, более привычными тому или иному языку или культуре. Например, Эрешкигаль.

– Все взаимосвязано, – повторила Ева и улыбнулась.

– Именно. И наша связь с ней нерушима. С одной стороны, люди перестали поклоняться богам так, как раньше, с другой, наша судьба в этом времени кажется особенной, и таковой и является. Мы – часть Великого, немногие люди достойны быть посвященными в божественные тайны.

Ева задумалась. Его голос звучал так спокойно и уверенно, словно он рассказывал это уже много раз, и сейчас ему нужно было просто повторить.

– Марк, – начала она, окидывая комнату беглым взгля-

дом, — как ты попал в этот круг?

— Луна избрала меня, как и всех здесь.

— Нет, мне интересно, кем ты был до служения.

Краем глаза она заметила, как слегка сжались его челюсти. Марк отвел от девушки взгляд, ставший отрешенным, словно он больше не был здесь, в этой спальне, погрузившись в собственные воспоминания.

— Я с детства рос в приюте недалеко от Игнаины. Знаешь, где обычно строят подобные дома, — среди леса, недалеко от дороги, чтобы, в случае побега, тебя быстро могли поймать и не привлекать лишнего внимания, — он вздохнул и снова обратил внимание на Еву, — я не знаю, что случилось с моими родителями, кем они были и почему я оказался именно там, но так сложилась судьба.

Их взгляды встретились, и он протянул ей ладонь. Почувствовав мягкую кожу чужой руки под пальцами, Марк продолжил.

— У человека вроде меня не было ни единого шанса на хорошую или хотя бы сколько-нибудь сносную жизнь после совершеннолетия. К моему счастью, как только мне исполнилось восемнадцать, меня избрали. Вестник по имени Лев, вместо которого в свое время стал служить Филипп, привез меня в разваленную квартиру недалеко от центра. Я жил там до тех пор, пока твоя дядя не пришел в наш круг. Он почти сразу познакомился со мной и позвал к себе. Теперь я живу здесь.

Она не знала, что сказать, а потому просто молча сидела и смотрела на мужчину, ощущая мягкие поглаживания его пальцев.

– Тебе следует ценить то, что у тебя есть дядя. Многие здесь теряют свои семьи, а ты будешь жить в родном доме с близким тебе человеком.

– Хорошо, – единственное, что смогла прошептать Ева, анализируя в голове его рассказ.

Спустя несколько мгновений Марк поднялся с кровати и, взглядом удостоверившись в том, что девушка в порядке, направился к двери.

– Я все же советую тебе начать читать «Луну», в ней много полезных мыслей и знаний, и, возможно, она будет даже интереснее, чем мои рассказы.

Ева кивнула и, когда парень ушел на первый этаж, она достала из-под кровати рюкзак с вещами, надела теплый свитер и, устроившись удобнее, вновь открыла книгу на первой странице.

«Геката. Богиня Темной Луны.»

Тысячеликая Луна, шествующая между мирами, Триединная Богиня, чьи воплощения невозможно счесть.

Она – Геката, но в кругах разных народов несет разные имена. Шумеры называли ее Эрешкигаль, скандинавы – Биль, а древние кельты обращались к ней как к «Безымянной» трехликой Богине.

Ее культ расцвел во втором тысячелетии до нашей эры в

Кариин. Она являлась воплощением жизни и смерти, повелительницей ночи и темноты.

Тогда богине было не принято поклоняться, поэтому Геката, раз в несколько лет спускалась из своей Обители, и сама избирала смертного, который должен был служить ей неопределенный срок. В ближайшее полнолуние над новым «избранным» Луны свершался обряд, именуемый обрядом восшествия, где он произносил молитву и приносил свою жертву во имя Великой.

Это продолжалось до тех пор, пока за шестнадцать столетий по всему миру не появилось двадцать девять кругов – мест, где Богиня чаще всего забирала людей.

Постепенно круги превращались в ритуальные места, где проходили обряды и собирались служители Богини. Круг мог быть как из песка, усыпанный галькой или обложенный крупными камнями, так и просто ровно вычерченный или выжженный.

«Избранные» не покидали Землю, но перерождались, меняясь внешне и внутренне. Они превращались в подобие Гекаты, ее «детей» – их волосы становились пламенем, вены – золотом, а кожа – снегом. Богиня пробуждалась в них, даруя новую жизнь взамен на преданность.

Они именовали себя Вестниками Темной Луны.

Дочери и сыновья Лунного света, которым было положено совершать обряды и ритуалы во благо людей и ночи.

Когда каждый круг принял в себя по двенадцать Вестни-

ков, Геката наградила двух самых преданных своих детей и наделила их высшей силой, сделав своими приближенными. Их именовали Принцем и Принцессой Темной Луны.

И было так».

Девушка оторвалась от текста и подняла глаза к окну, где по небу неторопливо плыли тучи, что растворялись к горизонту. Ева прокручивала в голове разговор с Марком, и ей показалось, что она все еще спит. Осознать реальность происходящего и проверить в нее казалось неподвластной задачей. С другой стороны, прошел всего один день, и девушке нужно было отдохнуть и привыкнуть к новому, но такому до боли знакомому и родному дому.

Глава 8

Ева

Ева не любила оставаться одна.

Тишина становилась домом для тревожных мыслей и голосов, наполняющих голову.

Ева лежала на кровати, укрывшись одеялом, и думала о своей жизни. Она всегда была тихой девушкой. У нее почти не было друзей, за исключением пары человек, с которыми она общалась в школе. Но, несмотря на это, ей не нравилось чувствовать себя одной.

Глаз разбавлял ее будни, состоящие из учебы, недолгих прогулок по городу и общения с мамой. Лукерьи часто не было дома из-за работы, и девушка проводила время дома вместе с котом, увлеченно болтая с ним о своих любимых книгах и фильмах.

Ева вспомнила свою школьную подругу Агату. Они познакомились в начале прошлого лета, когда девушка вместе с семьей переехала в их город. С тех пор ее общество разбавляло учебную скуку. До того момента, пока Еве не пришлось вернуться в Игналину.

Интересно, подруга пыталась узнать, где она и что случи-

лось? Мысли о том, что Ева уже, возможно, никогда с ней не встретится, затянули внутри живота тугой узел. Она также могла больше никогда не увидеть свою мать.

Девушка села на край кровати и попыталась сделать глубокий вдох, но тело задрожало. Тревога накатила на нее, заставляя впиться пальцами в деревянную перекладину. В глазах потемнело и к горлу подступила дрожь, вынуждая задержать дыхание и убедить себя успокоиться.

Ничего страшного не происходило.

Ева подумала о том, что они с мамой никогда не говорили о дяде Филиппе. Ничего не напоминало о его существовании, словно его никогда не было в их жизни. Но сейчас он был здесь, рядом с ней. Она находилась в своем родном доме, рядом с человеком, с которым провела детство.

Ей удалось успокоить бешено колотящееся сердце и дыхание, в глазах прояснилось, и Ева смотрела на свою спальню, вспоминая, что та, кажется, часто снилась ей, однако все сны были размытыми и неясными.

Все было хорошо.

Все было хорошо.

Все было хорошо?

В книге «Луна» было столько разной информации, что Ева не знала, с чего ей начать. После первой страницы тексты

внутри скакали без какой-либо последовательности и содержания.

Она пыталась ухватиться за какие-либо детали, но они ускользали от нее. Голова болела, и невозможно было сосредоточиться на смысле написанного. Каждое слово читалось по-отдельности, а потому Ева отложила книгу и попыталась уснуть.

Разум, объятый сном, поглощал все волнения и тревоги, девушка ощущала покой и свободу от всех переживаний, что обрушивались на нее днем. Однако, ночь была длинной, и спокойный сон медленно заполнили искаженные сновидения, порожденными то ли собственными страхами, то ли все еще необъяснимым влиянием богини на Еву.

Уродливые тени блуждали меж деревьев в лесу, касались края кровати в комнате девушки, заглядывали в окна и стучали по холодному стеклу своими длинными несуществующими пальцами и тихо стонали. Они не причиняли ей боли, не беспокоили ее, наблюдали издалека, иногда заслоняя собой лик луны, восседающей в небе. Они были повсюду и одновременно нигде, кроме ее сознания.

Ева осторожно поднялась с постели, когда несколько теней погладили ее по волосам, но комната оставалась пустой. Она знала, что спит, но отчетливо видела и ощущала их присутствие. Ей казалось, что они хотели ей что-то сказать, или показать нечто важное, но то было сокрыто за пеленой ночи.

Подойдя к окну, Ева распахнула его, желая впустить

внутри прохладный воздух, однако ничего не чувствовала.

Бесформенные тени стояли на улице, их призрачные одежды покачивались на ветру, а пустые взгляды были направлены на луну. Ее бледный, холодный блеск освещал все пространство вокруг и попадал на кожу девушки. Подняв руки перед собой, она увидела, что вены на ее предплечьях горели золотом, будто внутри них текла не кровь.

Это должно было вызвать у Евы хоть какие-то эмоции, но ведь она спала, верно? Ева не ощущала неприятного жжения на руках, как в первый раз, когда ее вены засветились. Она вновь посмотрела на улицу, туда, где стояли странные тени, но те пропали. Остались только она сама и луна. Богиня, восседающая в безоблачном небе.

Несмотря на то, что это был сон, вся ее комната выглядела такой же, как и в жизни. И вид из окна тоже был правильным. Разница была только в том, что Ева ничего не чувствовала – ни холода, ни уколов ветра из открытого окна, ни собственного дыхания или сердцебиения. Словно она сама была бесформенной тенью, как те, что наблюдали за ней.

Отойдя от окна, девушка направилась в сторону двери, думая о том, что ей хотелось выйти из комнаты и прогуляться по дому, однако та оказалась заперта. Несколько раз дернув за ручку, Ева вздохнула и решила вернуться в кровать, когда за ее спиной что-то зашевелилось.

Тень стояла возле окна, неподвижная и искаженная. У нее не было лица, не было глаз, но Ева была уверена, что она

смотрела прямо на девушку. Приступ страха накатиł внезапно, растекаясь по всему телу и закручиваясь неприятным узлом. Она попыталась что-то сказать, но голоса не было.

Тень двинулась на нее и спустя несколько секунд Ева оказалась в постели, укрытая с головой. Жар окутал ее, заставляя выбраться наружу из тесных объятий одеяла, и Ева, к которой наконец-то вернулся голос, закричала. Грудь ныла и дрожала, рвано вздымаясь.

Оглядевшись, девушка увидела свою комнату, на которую уже медленно наступали утренние сумерки. На какое-то время она замерла, стараясь ухватиться за реальность комнаты и всего, что видела, пока окончательно не убедилась в том, что смогла проснуться. Окно было наглухо закрыто, а дверь, к которой Ева сразу же подошла, наоборот, с легкостью выпустила свою хозяйку.

– Что за ужасный сон, – прошептала она себе под нос и устало протерла глаза. Ворох нахлынувших на девушку чувств обратился на нее ночным кошмаром, и отдохнуть этой ночью ей едва ли удалось.

Внизу по обыкновению уже слышались мужские голоса, но спускаться девушка еще не спешила. Нужно было привести себя в порядок и отогнать наваждение, принесенное этой беспокойной ночью.

Вторая часть

Познание

Глава 9

Алиса

Двадцатые числа ноября были наполнены сильными ветрами и непрекращающимися дождями, в отличие от последней недели перед декабрем. Природа продолжала быть такой же мрачной и пасмурной, но буйства стихий остались позади. Вокруг постепенно воцарялось неземное спокойствие, все застывало, без спешки готовясь к зиме. Солнце то и дело просачивалось сквозь густые облака, озаряя землю, а после снова скрывалось до тех пор, пока вовсе не уплывало за горизонт.

Алиса находилась на кухне и заваривала кофе, как в дверь постучали. Девушка медленно подошла к выходу и открыла. Перед ней, на ступеньках ветхого дома, стояло самое близкое к Луне создание – Принцесса Темной Луны Мария. Ее белоснежные волосы сияли на солнце, словно они были осыпаны целлофановыми конфетти, а длинное платье украшало бледное тело. На вид ей было не больше двадцати пяти лет, но на деле уже много веков она служила и жила на Земле.

Мария какое-то время смотрела вдаль, вглубь дома, покручивая серебряный перстень на пальце, после чего перевела взгляд на встретившую ее Вестницу. На лице девушки тут же засияла улыбка. На вид она казалась дружелюбной, но Алиса впустила ее, не сказав ни слова, ведь знала, что в присутствии Принцессы лучше не болтать лишнего.

Филипп и Марк, услышав шум в прихожей, спустились вниз.

– Приветствуем тебя, Принцесса Темной Луны, – начал Филипп.

– Всем доброго утра, – в свою очередь отозвалась Мария.

– Может, чаю? – предложил Марк и рукой указал в сторону кухни.

– Не откажусь.

Когда все расселись за столом, Мария завела разговор. Она заговорила о приближающемся обряде восшествия, что должен произойти во время зимнего солнцестояния, вне зависимости от положения луны, но остановила поток слов, когда увидела стоящую в проеме двери Еву.

– Проходи, не бойся, – Мария внимательно оглядела ее, заставляя обратить внимание на отсутствующий цвет радужки глаз, что сливался со склерой, выделяя черные зрачки.

Переведя взгляд на остальных, та, будто отгоняя от себя наваждение, начала разговор сначала.

– Мы все знаем, что до обряда восшествия еще месяц. А значит, нам необходимо будет собрать Вестников в кругу не

позже, чем через две недели, – Принцесса встала и подошла к Еве, которая все еще стояла в дверях.

Алиса поднялась следом и встала рядом с обеими девушками, представляя их друг другу.

– Ева, перед тобой Принцесса Темной Луны Мария, – на губах Принцессы заиграла мягкая улыбка, – Принцесса, это Ева Бросковски, новая избранная круга Игнаины.

– Дорогая Ева Бросковски, я рада познакомиться с тобой, – она взяла руки девушки в свои, – вы все, вероятно, удивлены моему прибытию в обитель Филиппа так скоро, но я здесь, чтобы помочь вам с приготовлением к зимнему солнцестоянию и становлению тебя, Ева, полноценной частью этого круга.

В комнате на мгновение стало так тихо, что Ева услышала стук собственного сердца. Она поймала взгляд Марка, а следом посмотрела в глаза Марии, пугающе красивые.

– Проведение обрядов и восшествий, а также принятие новых Вестников – это мои основные обязанности, и за этот месяц я хочу помочь тебе адаптироваться к новой жизни и стать полноправным членом нашей... семьи.

– Есть также Арон, – в диалог вмешался Марк, он хотел добавить что-то еще, но Мария заговорила вместо него.

– Ах, да, – Принцесса широко улыбнулась и отошла от девушки, возвращаясь за стол, – Арон – Принц Темной Луны, который обучает все круги новым обрядам и сообщает о новых правилах, данных Гекатой. Он также хранит книги «Лу-

на» разных кругов, но у вас эта задача возложена на Алису.

– Значит, обряд над Евой будет совершен не в следующее полнолуние, а во время праздника зимнего солнцестояния? – еще раз уточнила Алиса, садясь напротив Принцессы.

– Все верно, – сказала Мария, кивнув, – в этом круге подобного еще не случалось, но Геката не просто так избрала тебя именно сейчас. Для Вестника Темной Луны честь – быть принятым во время празднования.

– Полагаю, тебе уже рассказали о Вестниках и о Богине? – Мария обратила свое внимание на Еву, что села за стол рядом с Алисой, и девушка кивнула.

– Мне дали читать книгу и рассказали про круг и про то, что моя судьба теперь в кругах Гекаты, – Алиса видела, как дрогнули ее руки, и как Ева сжала их в замок, стараясь успокоиться.

– Скоро ты привыкнешь ко всему и станешь полноценной частью нашего культа, – с лица Принцессы не сходила улыбка, она оставалась ровной и спокойной, будто бы застыла на ее лице.

Через некоторое время все уже занимались своими делами. Марк скрылся на втором этаже, Филипп пошел на улицу подышать свежим воздухом, Принцесса рассматривала картины в гостиной. Алиса в это время убирала со стола, но, заметив изумленный взгляд Евы, стоящей у окна кухни, обратилась к ней:

– Неужели Айтвараса³ увидела?

Проигнорировав усмешку Алисы, Ева произнесла:

– Дом ведь не отапливается, а на улице уже довольно холодно, но почему мне комфортно? – ее недоумение перешло и к Алисе, когда та не знала, что ответить.

Услышав вопрос, как бы случайно, Мария подошла к девушкам.

– Мы – Дети Луны. Для нас и нашего организма присущи иные температуры, но это все лишь градусы, они ничего не значат, – она ободряюще улыбнулась.

Алиса не знала, что добавить, и лишь кивнула, а после ушла на задний двор к Филиппу.

³ Литовский дух, обитающий в жилых домах

Глава 10

Ева

Ева помнила этот дом. Каждую трещину на потолке, неровность пола, след от краски на подоконнике. Девушка шла по второму этажу, замечая все то, на что обращала внимание еще в детстве.

Она жила здесь с мамой и дядей, пока ей почти не исполнилось семь. Тогда они уехали в столицу, якобы потому, что девочке нужна лучшая жизнь, но Ева знала, что они тогда очень сильно поругались с Филиппом, правда, не помнила причины.

И вот, спустя десять лет она вернулась сюда, правда, без мамы и не имея до конца понятия, зачем.

Девушка остановилась возле одной из дверей и осторожно провела по ней кончиками пальцев. Раньше за ней находился мамин кабинет. Там она хранила свои книги и цветы, а также вела какие-то записи. Ева была там всего один раз, года в три или четыре, когда мама забыла закрыть дверь и отошла по делам. Девочке нельзя было заходить внутрь, но любопытство победило в тот день.

Она залезла на подоконник, так как любила смотреть в ок-

но. Оно было открыто и оттуда дул легкий ветерок, а солнце нежно ласкало небольшой лес, рядом с которым стоял их дом. Ветер играл с листьями на деревьях и переплетался с ветвями. На небе не было ни единого облака.

Девочка смотрела в окно, любясь видом, пока не заметила среди природы что-то необычное, сливающееся с землей. Это был круг. Он был сокрыт среди деревьев и на него не падал ни один луч солнца. Словно прижавшийся к земле, практически незаметный, притягивал исходящим от него спокойствием.

Как Ева могла забыть это?

– Круг... – прошептала она вслух.

– Поляна, окруженная со всех сторон небольшим лесом. Место поклонения нашей Богине Темной Луны – Гекате.

Ева вздрогнула и обернулась. Прямо перед ней, буквально в нескольких сантиметрах стоял Марк. Девушка молчала с полсекунды, а потом взяла парня за руку, шепотом сказав:

– Мне кажется, точнее, я думаю, что вы все здесь больные. И мой дядя тоже, и, наверное, ты. Я просто не понимаю, зачем мама отправила меня сюда и как согласилась на то, чтобы я присоединилась к вашей секте. Вы служите богине Темной Луны, сами вообще слышите себя? Это звучит ненормально. – Марк пытался остановить поток ее мыслей, но девушка продолжала говорить все, что она думала и к концу уже делала это в полный голос, – это вообще законно? Кто-нибудь знает? Я надеюсь, что вы хотя бы не приносите людей

или кошек в жертвы.

— А что ты скажешь о своих волосах, которые стали рыжими? — Марк, наконец, прервал ее и заставил замереть от холодного и слегка раздражённого тона, — о голосах, зовущих тебя сюда?

Ева посмотрела на парня во все глаза и замолчала на некоторое время, хоть ее губы и оставались приоткрытым. Она отпустила его руку и дотронулась до волос.

— Да вы, наверное, прокляли меня. Я скоро умру или... вы продали мою душу?

Марк потёр свои виски и сразу после этого, не отвечая на вопрос, взял Еву под локоть и завел в комнату. Он закрыл дверь на замок и посмотрел на девушку, прожигая взглядом.

— Если Алиса или Мария услышат твои вопли, то ты и вправду скоро умрешь, но не для жертвоприношения, а потому что много болтаешь. Ты совсем ничего не понимаешь?

Ева лишь сглотнула и единственное, что смогла из себя после этого выдать, было: «Мне просто страшно».

Марк тяжело вздохнул и выпрямился, а после отошёл от Евы на один шаг.

— О том, что произошло с твоей душой, я не имею понятия. Но, прошу, перестань паниковать. Ты роешь себе сейчас могилу, из которой тебя никто не будет доставать. И как бы я не хотел тебе помочь, не имею здесь большой власти.

Девушка смотрела ему в глаза. В эти серьезные глаза, не выражающие, на первый взгляд, ничего, но если очень при-

глядеться, то можно было заметить переживание и волнение. Она вздохнула и спокойно произнесла:
– Эта комната пахнет тобой.

Марк

Нежные чувства у Марка к Еве возникли ещё при первой их встрече, когда девушка, дрожащая от холодного ветра, постучалась к ним в дверь. Конечно, парень ждал ее, ведь его предупредил Филипп, но не знал, как она должна выглядеть.

Он стоял ровно, убрав руки в карманы и внимательно рассматривая ее лицо – небольшие глаза оливкового цвета, слегка заостренный носик, клубничные, не слишком пухлые губы, которые почти всегда были приоткрытыми и из-под которых виднелись белые зубы.

Он также смотрел на нее сейчас, и девушка немного смущенно опустила взгляд. Ему хотелось помочь ей, объяснить все, но, чтобы она услышала и восприняла всю информацию без паники, нужно было время. Если бы Марк знал о прибытии Принцессы заранее, он бы подготовил Еву, рассказал, как нужно себя вести, что говорить, когда молчать.

Он должен был помочь ей и не напугать еще сильнее.

Парень сделал шаг к Еве и нежно поцеловал ее в лоб, а после снова отошел к двери, открыл ее и вышел, скрываясь в тени коридора.

Глава 11

Ева

Ева почувствовала прикосновение холодных губ и подняла взгляд, но в комнате уже никого не было. Она повернулась, решив осмотреться. Румянец на щеках стал понемногу проходить.

Ничего не изменилось и здесь. Те же трещины на потолке, слегка отклеившиеся обои в углу, стертый паркет, на котором ни тогда, ни сейчас не было ковра. В этом доме вообще не было ковров, даже в ванной. У правой стены также стоял книжный шкаф, только сейчас практически пустой, если не считать пары-тройки жутко запылившихся книг. А вот слева пропали кресла, на их месте ничего не было, а рядом с камином поставили комод – точь-в-точь как у Евы в комнате. Прямо напротив окна находилась металлическая кровать с сеткой.

Видимо, это была комната Марка.

В голове всплыло еще одно неожиданное воспоминание.

Ей было шесть.

На улице только что закончилась гроза, а Филипп вместе с мамой ушли на первый этаж встречать каких-то гостей, оста-

вив Еву наверху одну. На улице уже стемнело.

Девочка надела свое любимое льняное платье с незамысловатыми узорами и принялась расхаживать по второму этажу. Снизу стали доноситься незнакомые голоса, постепенно утихая до тех пор, пока вовсе не прекратились. Все куда-то ушли.

Поняв, что Ева осталась одна, она медленно подошла к запретному кабинету и открыла дверь.

Окно в комнате было распахнуто и оттуда дул холодный ветерок, несущий с собой запах мокрой хвои. Она подошла к нему и осторожно залезла на подоконник.

Деревья на улице шумели, луну в небе было практически не видно из-за облаков, спешащих куда-то за горизонт, но, когда среди елей что-то промелькнуло, ветер практически мгновенно прекратился, а луна засияла в полную силу и стала освещать лес, поляну и круг, к которому приближались какие-то люди.

Все они были рыжеволосыми, в белых одеяниях, с венками из сухих веток на голове и босиком. Девушки и юноши, лица которых было сложно разглядеть. Они стали поочередно зажигать ночные фонари, что держали в руках и останавливались перед кругом, не ступая в него, пока последний фонарь не был зажжен.

Первыми вошли девушки, и как только их ноги коснулись круга, откуда-то издалека словно прозвучал звон колокола. Ветер снова поднялся и стал дуть с еще большей силой, за-

шелестели листья, и под неведомую мелодию, зазвучавшую из чащи леса, они начали танцевать. Их движения были похожи на шум волн, бьющихся о скалы, на языки пламени от костров, на кружащих в небе орлов, подчинивших себе стихию.

Через какое-то время присоединились и юноши. Все вместе они взялись за руки, а потом отпустили их и начали кружиться, парить, двигаться в такт ветру, а тот в свою очередь вместе с огнем фонарей стал окутывать танцующих.

Это было мистическое и загадочное зрелище, за которым внимательно наблюдали лишь двое – Ева и Луна.

Деревья постепенно успокаивались, и когда танец завершился, в лесу наступила мертвая тишина. Фонари погасли, все положили их на землю, а сами вышли за пределы круга и встали по его краям. Теперь их освещал лишь яркий блеск полной луны.

Из темноты вышла еще одна девушка, неспешно заходя в центр. Она сильно отличалась от остальных – незнакомка была очень худой и высокой, ее белоснежные волосы спадали на плечи и грудь, а тело покрывало пепельного цвета платье в пол с множеством узоров и камней.

Она повернулась к одному человеку, что стоял к Еве спиной, протянула ему ладонь и проговорила: «Филипп, Вестник Темной Луны, это твоя ночь».

Мужчина взял ее руку, и пара поменялась местами. Теперь он стоял в центре круга, повернувшись лицом к дому.

Ева едва смогла разглядеть в этом человеке своего дядю.

Остальные люди взялись за руки. Как только в лесу стало непроглядно темно, и даже луна не освещала более пространство в нужной мере, произошло еще кое-что очень странное.

У присутствующих начали светиться вены на руках. Филипп поднял глаза в небо и запел, но слова не доходили до окна девочки. Это была нечеловеческая мелодия, словно ее исполнял другой человек, или же не человек вовсе.

Голос оборвался тогда, когда круг начал от краев и до ног мужчины покрываться льдом, и только в нем отразилась полная луна, тут же оттаял.

Все потухло. Обряд завершился в одно мгновение. Небесное светило скрылось за облаками, люди начали расходиться.

Ева аккуратно слезла с подоконника и хотела уже выйти, дабы записать и зарисовать все увиденное в свой дневник, но тут на втором этаже послышались шаги. Девочка замерла. Дверь в комнату открылась, и включился свет. Перед ней стоял парень. Он был одет также как те, что проводили необычный обряд в кругу. Его ярко-рыжие волосы падали на плечи и слегка вились. На вид ему было лет двадцать, хотя Ева плохо разбиралась в возрастах.

Он опустился перед ней на одно колено, чем немного напугал, и девочка отошла на один шаг.

– Здравствуй, – парень осторожно протянул руку, – ты

Ева, да?

Она кивнула, но с места не сдвинулась.

– Я Марк, тебя не может найти мама, очень сильно переживает. Пойдем, я отведу тебя в твою комнату?

Ева постояла еще несколько секунд, но потом согласилась. Парень взял ее на руки и отнес в детскую, где на краю кровати сидела Лукерья. Как только она увидела свою дочь, сразу поднялась и забрала ее.

– Что ты делаешь? – женщина сердито посмотрела на Марка.

– Ты не могла ее найти, я помог.

– Ни тебе, ни кому-либо еще из вас нельзя соприкасаться с нами. Ты разговаривал с ней?

– Иначе бы она не согласилась идти с незнакомцем.

– И правильно, – Лукерья на мгновение задумалась, – спасибо, но вам всем уже пора уходить, а я уложу Еву спать.

– Ты же помнишь, что уходить нужно вам? Здесь теперь живет Вестник...

Женщина перебила его.

– Не сейчас.

Он кивнул, попрощавшись, и закрыл дверь. Ночник тускло освещал детскую и кровать, на которую положили Еву. Лукерья наклонилась и нежно поцеловала девочку в обе щечки, как у них было принято перед сном, и погладила по волосам.

– Засыпай, милая, завтра будет новый, замечательный

день. Я люблю тебя.

После этих слов она тихо встала и подоткнула одеяло девочки, а затем вышла из комнаты. У двери послышался мужской шепот.

– Марк сказал мне, где нашел Еву.

– О чем ты?

– Она была в твоём кабинете и видела обряд. Он встретил ее, когда та уже собиралась выходить оттуда, и по его словам, окно было открыто. Ты сама знаешь, что из него виден круг.

– И что нам делать? Она этого не забудет.

– Мне придется поговорить с нашей Принцессой, она сможет надеть на Еву «пелену», скрыть воспоминание об обряде. Твоя дочь еще ребенок, я думаю, что сделать это возможно и просто.

Судя по голосу, доносящемуся из-за двери, это был Филипп.

– Поверь, я сам очень люблю нашу девочку, мою племянницу, и не хочу сделать ей хуже. Вам повезло, что эта участь коснулась меня и мою линию, а не вас. Я надеюсь, что ни Еву, ни ее детей Луна теперь не изберет. Из нас двоих, Лукерья, я стал Вестником, а значит, теперь вы в безопасности. Но вам нужно будет уехать, чтобы окончательно забыть обо всем этом и не вспоминать уже никогда. Мне очень жаль, но теперь вы не можете жить со мной в одном доме. Я бы мог оставить вам дом, если бы не этот проклятый круг прямо рядом с ним.

– Если вы отберете ее воспоминания об этом дне, она не поймет, почему мы вдруг уезжаем.

– Скажи ей, что вы поедете в Вильнюс, так как там большие возможности для твоей работы и ее образования. Что ты хочешь отвезти ее в лучшее место, где вы сможете развиваться и по-настоящему жить. Эта деревня не даст ей никаких перспектив, и это правда.

– Но она будет скучать по тебе, Филипп, и захочет видеться.

– Мария сделает так, чтобы в воспоминаниях Евы нас с тобой разлучила сильная ссора, тогда ей не будет так тоскливо, и она не захочет возвращаться.

– Ты думаешь, ранить ее сердце – это хорошая затея? Она ведь любит тебя.

– Я знаю, сестренка, я все знаю.

После следовало молчание, и дальнейшего разговора Ева не услышала, так как погрузилась в долгий и крепкий сон.

Глава 12

Ева

Ева глубоко втянула в себя воздух. Солнце пробивалось сквозь занавески и играло ее с золотыми волосами. Она все так же стояла в этой комнате, но смотрела на нее теперь уже совсем по-другому.

Вернувшись к себе, девушка окинула взглядом пространство и осторожно присела на кровать. Голова слегка кружилась. Значит, Ева увидела обряд Филиппа, и из-за она так плохо помнила своего дядю. А еще Марк уже был с ней знаком, правда, с совсем маленькой.

В голове все начало понемногу проясняться, но почему Марк был на обряде Филиппа, если он выглядит моложе его, она сказать себе так и не смогла.

Алиса

Алиса стояла на заднем дворе и разговаривала с Филиппом. Ветер играл с золотыми прядями, а лучи солнца пробивались сквозь ветви деревьев. Лес наблюдал за ними безучастно, но внимательно.

– Я не понимаю, если, по твоим словам, все идет как надо, зачем Мария прибыла так рано? – девушка сжимала в правой руке угол своего кардигана.

– Алиса, я не имею понятия об этом.

– Ты не утешаешь. Не могла Принцесса приехать просто так за месяц до обряда восшествия.

– Мария ведь сама сказала, что она хочет проконтролировать, как мы подготовимся к обряду.

– У нее никогда не было ко мне никаких претензий. Я всегда все делаю безупречно.

– Мария прибыла не к нам, – к паре неспешно подошел Марк, – с Евой все в порядке, она многого не понимает, но интересуется. Это абсолютно нормально.

– Тогда что ее привело сюда?

– Я полагаю – круг, – парень сказал последнее слово шепотом, ведь на заднем дворе показалась Мария.

Она не обратила внимания на Вестников, направляясь в сторону леса. Девушка прошла мимо них и встала перед деревьями, прикоснувшись ладонью к стволу одного из них. Едва уловимый шепот донесся до беседующих, после чего Принцесса ступила в заросли.

Алиса внимательно проследила за ней, а после снова посмотрела на мужчин.

– У меня плохое предчувствие.

Ева

Ева осторожно взяла в руки книгу и открыла на последней прочитанной странице. Ей не терпелось найти ответы на все интересующие вопросы.

«Триединая Богиня живет в каждом своем дитя.

Угасание. Перерождение. Пробуждение.

Вслед за жестокой зимой приходит весна. Всегда. Все, кто спал, отойдут ото сна.

Они почувствуют холодное дыхание вспыхнувшей внутри них Богини. Геката шепчет: «Умирай, возрождайся. Прорастаешь сквозь свое тело новую жизнь, исполни свое предназначение. Восхваляй Великую Луну, принося свою жертву, и вкуси ниспосланные тебе дары».

Вестники Темной Луны – посланники Гекаты на Земле.

Богиня провела незримую нить сквозь всех служителей Ее, дабы соединить их и сделать единым целым. Они отдают ей свою жизнь, становясь подобными Ей.

Их главная задача – поддержание связи с луной – единственным спутником нашей планеты.

Они несут информацию о Богине, дабы культ развивался и продолжал жить на протяжении веков. Геката дает им знания, как проводить ритуалы, чтобы сохранять баланс.

Луна управляет приливами и отливами во всех океанах, освещает путь в безоблачные ночи, она – властительница

тьмы и света, несущая порядок и созидание в наш мир.

Сильные приливы, отливы или стихийные бедствия означают, связь между Вестниками Темной Луны и Богиней была нарушена. Тогда необходимо свершать уже изученные ритуалы снова, чтобы вернуть гармонию.

Если каким-то образом люди узнают о них и пытаются помешать их деятельности, Вестники не могут исполнять свое предназначение, и происходят непредвиденные катастрофы. Они не успевают восстанавливать баланс, ибо люди встревают, отвлекают от проведения обрядов.

Потому Вестники должны скрываться и избавляться от тех, кто узнаёт слишком много.

Им приходится держаться в тени, чтобы никто не мог отвлечь их, поскольку от них зависит судьба человечества. Они должны контролировать каждое свое слово и движение.

Таково их предназначение».

Глава 13

Алиса

Алиса провела на заднем дворе весь день. Она удобно расположилась на террасе и погрузилась в свои мысли, наслаждаясь тишиной и легким шелестом деревьев. Сегодняшняя ночь, как и завтрашний день, обещали быть спокойными и безоблачными, судя по ясному небу до самого горизонта.

Девушка стала думать о Еве. Эта новенькая не выходила у нее из головы. Столько вопросов в ее глазах, столько непонимания и надежды, что это все просто глупые шутки. С каждым днем Алиса становилась все более внимательной к ней, и тем самым начала замечать, насколько же она сама изменилась с момента первого появления в этом кругу.

Единственный, кого она здесь обрела, был Филипп. Два совершенно невозможных характера, две одиночки с похожей судьбой, ставшие друг для друга словно брат и сестра. Луна испачкала руки обоих в саже, и это их связало.

Девушка вспомнила первое знакомство с Марией. Тогда Принцесса сказала, что Алиса ничем не отличается от остальных, чувствует то же и живет в тех же условиях, но в ней есть одна маленькая особенность – судьба ведет ее силь-

нее других, она всю жизнь ровно следует по своему начерченному пути, и не сходит с тропы, несмотря на свою мягкость.

Но Алиса так и не смогла до сих пор понять, для чего пришла в это место и стала той, кем никогда не хотела быть. Однако, кое в чем Принцесса была права – ей так и не удалось обмануть судьбу.

Вестница сидела на скамье и наслаждалась тем, как ласково с ее волосами играл ветер. Время текло к закату, и Алиса видела, как Мария возвращалась из леса – загадочная, полная неизвестных раздумий и очень взволнованная.

Солнце, уходящее за горизонт, освещало деревья так четко и ярко, что Алиса смогла заметить, как странное полупрозрачное существо блуждало между стволами и тянуло за собой легкий шлейф тумана. От него словно исходила неведомая мелодия, пугающая даже больше него самого, темная и траурная. Оно бесшумно плыло в направлении Принцессы, и исчезло из виду, стоило той зайти в дом.

Алиса поспешно поднялась, отгоняя странное наваждение и, игнорируя подступившую волну паники, тоже направилась к двери.

Внутри было намного уютнее, чем снаружи, несмотря на абсолютную тишину. Нигде не было слышно ни голосов, ни каких-либо еще посторонних звуков. Она направилась на кухню и заварила себе чай, попутно размышляя о том, что могла встретить в лесу. «Никогда не видела ничего подобно-

го», – пронеслось у нее в голове.

– Он слышит нас иногда, – Мария появилась словно из ниоткуда, бесшумно зайдя в комнату и плавно опустившись на ближайший стул.

Алиса вздрогнула от неожиданности и повернулась к ней, озадаченно спросив:

– Кто?

– Лес, разумеется, – Принцесса направила свой взгляд к окну.

Ночное светило пробивалось сквозь небольшие облака, неспешно плывущие по небу, и становилось на месте уходящему солнцу.

– Он охраняет наш круг, оберегает обитель Филиппа и ритуальное место, защищает каждого из вас, – Мария говорила тихо, будто боялась нарушить царившее в доме спокойствие.

– Но от кого? – девушка задавала вопросы нерешительно, боясь сказать лишнего или показаться навязчивой, но сейчас она разрешила себе проявить любопытство, – я видела кое-что в лесу, нечто, блуждающее меж деревьев. Оно появилось после того, как вы вернулись в дом. Что это было?

– Здесь всё хранит свои секреты, не так ли? – Принцесса улыбнулась уголками губ и поднялась со своего места, – доброй ночи, Алиса. Ни о чем не думай.

Глава 14

Ева

Золотая свеча, стоявшая на тумбочке рядом с кроватью Евы, уже догорала, но еще освещала комнату и приносила тепло. Девушка готовилась ко сну, когда в дверь спальни постучали.

– Да?

В комнату вошел Филипп, от чего выражение ее лица стало немного удивленным.

– Ты что-то хотел?

– Думаю, что это поможет тебе немного успокоиться.

Мужчина протянул Еве кружку с чаем и опустился на край кровати. Она взяла в руки напиток и, немного подув на него, желая остудить, сделала небольшой глоток. Легкая горечь осела на языке, от чего девушка слегка поморщилась. На вкус этот чай напоминал цветочные духи, и ей не слишком хотелось пробовать его еще раз, потому она осторожно поставила чашку на тумбу.

Краем глаза Ева заметила, что Филипп нахмурился, наблюдая за этим.

– Я тебя совсем не знаю, – он тяжело вздохнул и покачал

головой, – и понятия не имею, чем могу помочь.

– Мне просто не нравится чай с жасмином, – она попыталась сделать свой голос мягче, – Филипп, я должна тебе кое-что сказать.

Мужчина на мгновение поднял на нее глаза, и в этот момент волнение практически захлестнуло девушку, перекрывая любые попытки успокоиться.

– Я все вспомнила.

– О чем ты?

– Мы с мамой переехали и перестали общаться с тобой потому, что ты стал Вестником и я видела твой обряд?

– Ты совершенно права, – на лице Филиппа появилась короткая усмешка, – чары Марии все-таки развеялись. Когда ты прибыла сюда, я знал, что это случится.

– Так Вестники не могут общаться с простыми людьми?

– Нет, – мужчина встал и остановился около окна, – именно поэтому ты здесь, со мной, а не в Вильнюсе.

– Я здесь навсегда?

– В этом доме или в облике Вестницы?

– И то, и другое.

Филипп посмотрел на улицу сквозь пелену ночи и сделал глубокий вдох прежде, чем ответить.

– Хочешь узнать что-нибудь еще?

Девушка несколько минут молчала, пытаясь собраться с мыслями. Ей было неловко общаться с ним по душам, и, судя по закрытости мужчины, ему тоже. Они не виделись слиш-

ком долго, не имея при этом ни малейшей возможности поддерживать связь. Казалось, что они стали друг для друга совершенно посторонними людьми за прошедшие годы.

– Ты почти не изменился за эти десять лет.

Он коротко кивнул.

– Так и есть. Вестники застревают в том возрасте, в котором они были избраны, и остаются в нем до конца своего служения.

– А что с ними становится после? Насколько я поняла, в одном круге может быть не больше двенадцати «избранных».

– Никто точно не знает, но Мария когда-то говорила, что им дается новая жизнь. Хотя я в этом и очень сомневаюсь.

– Сколько лет Марку?

– Столько же, сколько и мне. Тридцать шесть.

– Я думала, что ты старше моей мамы.

– Наоборот, она старше меня.

– Хорошо... – Ева осмотрела уже потускневшую комнату и вдруг кое-что вспомнила.

– Я видела, что Марк был на твоём обряде. Как такое возможно, если вы одногодки?

Мужчина усмехнулся.

– Марк стал Вестником на восемь лет раньше меня. Когда нам обоим было восемнадцать, он уже начал служить Луне, а я только впервые наткнулся на круг за нашим домом. До этого я ничего не знал об этом культе и о Богине в целом.

Девушка затаила дыхание, внимательно слушая своего дядю и постепенно осозная, как сильно тосковала по нему все эти годы.

– Как получилось так, что мы живем возле круга?

– Твоя бабушка была Вестницей, но до обряда она успела выйти замуж и родить двоих детей. Ее муж построил этот дом, чтобы она могла жить здесь вместе с нами.

– Но нам с мамой пришлось уехать, – Ева неосознанно сжала край одеяла, – ей разрешили растить детей здесь, а меня нет?

– Ты не моя дочь, – мужчина тяжело вздохнул и повернулся к ней.

– Где она сейчас?

Филипп ответил не сразу.

– Я не знаю. Она исчезла, когда мне было двадцать, и больше я ее не видел.

– Ладно.

– Тебе нужно поспать, – он отошел к двери, смотря на свою повзрослевшую племянницу, – у тебя будет еще много времени, чтобы все узнать, а для этого нужен отдых.

– Спокойной ночи, – тихо проговорила Ева.

– Спокойной ночи, – ответил мужчина, выходя из комнаты.

Рассвет Ева встречала без сна.

Она долго размышляла, листала «Луну» в поисках ка-

ких-то ответов. Книга была наполнена рукописными инструкциями проведения неизвестных ей праздников и ритуалов, и обрывалась на середине, словно была не закончена.

«Великий Йоль».

Праздник зимнего солнцестояния.

Смерть и воскрешение. Закрытие старого года и открытие нового.

Священное время для Вестников Темной Луны, в которое все члены круга должны собраться вместе, чтобы очиститься для нового года, встретить солнце, восставшее из мрака, и узреть возрожденный мир.

Дословно Йоль переводится как «время жертвоприношений» или «темное время». Отмечается он двенадцать ночей, каждую ночь служители должны проводить ритуалы.

Первая ночь – Зимнее Солнцестояние, именуемая самой длинной ночью в году, когда Богиня Геката спускается на Землю и зажигается «костер Йоля».

Вторая ночь – одиннадцатая ночь – бесконечные пиры, сменяющиеся исполнениями обрядов.

Двенадцатая ночь – ночь последнего, завершающего год ритуала. В это время избранные недавно Вестники проходят обряд восшествия, становятся истинными служителями Богини, какой бы фазы в эту ночь не была луна».

Книга полетела на кровать, девушка села на подоконник своей комнаты и посадила Глаза на колени. В голове метались мириады мыслей, запутанных и противоречащих друг

другу.

Солнце только планировало появляться над горизонтом, на улице было так тихо, что даже воздух словно застыл. Здесь, в этом практически безлюдном месте, на окраине и без того малочисленного города, ночь не окутывала дома и дороги сном, животные и насекомые не мирно засыпали, они умирали, а на утро, освещенные солнечными лучами, воскресали вновь. Серость и безликость окутывала Игналину сильнее, чем крупные мегаполисы, где, казалось бы, невозможно увидеть даже деревце, выросшее по собственной воле.

То ли наступающие холода так влияли на настроение, то ли внутри Евы пустила корни тоска, но темные мысли преследовали ее, медленно заставляя чувствовать себя покинутой и обреченной.

Глава 15

Алиса

Дикие птицы скрылись за верхушками хвойных деревьев. Ветерок, спокойный и легкий, блуждал вокруг дома. Луна уходила все ниже за горизонт, безвозвратно забирая с собой прошедший день. Ночь текла плавно, и лишь запах зимы отличал ее от предыдущих. Мария неподвижно стояла на ступеньках и смотрела куда-то вдаль. На ней было черное кружевное платье, закрывающее все тело.

– Крайне непривычно видеть вас в траурных одеждах, – Алиса вышла на улицу и закрыла за собой входную дверь.

– Я тоже была когда-то повенчана с этим кругом.

Девушке едва удалось скрыть удивление.

– Вы были приняты в этом круге?

– Да, и я тоже была Вестницей, очень-очень давно. Никто уже не помнит моего истинного облика, да и я с каждым днем все сильнее его забываю. Стать Принцессой Темной Луны для меня не значило стать выше, я полностью отреклась от себя ради всеобщего блага.

– Мы плененные здесь, разве вы сами не видите? Как в болоте тонем.

– Не говори так, Алиса. Ты не знаешь, какую судьбу для тебя уготовила Геката. Прими неизбежное, ты все равно не можешь ничего изменить, – Мария старалась сохранять спокойствие, но нервозность собеседницы плавно передавалась и ей, – за все свое время служения я видела слишком много, чтобы обвинять богиню в чем-либо.

– Она оборвала мою судьбу.

Девушка хотела уйти обратно в дом, но Принцесса успела добавить ей вслед:

– Она даровала тебе новую, и я прошу, принимай ее достойно.

Алиса села на диван в гостиной и запустила пальцы себе в волосы, массируя голову и пытаясь переварить слова Марии, или же выкинуть их из памяти. Золотистые пряди закрыли лицо, по которому стекла одна-единственная слеза. Девушка смахнула ее рукой и убрала волосы назад, как вдруг увидела не спеша идущего к ней Филиппа с двумя кружками кофе в руках.

– Не спится?

– Скоро рассвет, – она взяла одну кружку и сделала несколько небольших глотков, прежде чем продолжить говорить, – когда приедут остальные?

– Нам нужно подготовиться к Йолю, а это не быстро.

– Думаешь, нам нужна помощь всех?

– Не знаю насчет всех, но трое должны прибыть со дня на день.

– Кто именно?

– Владимир с Георгом и прошлогодняя новенькая, Марго.

Алиса вздохнула, рассматривая что-то на стене.

– Ты сегодня сама не своя.

– Ничего не могу поделать.

– Я собираюсь съездить сегодня в центр и закупить кое-какие продукты Еве, пока ей еще нужно питаться.

Разговор прервала Мария, вошедшая внутрь и направившаяся к ним. Она была спокойна и сдержанна, словно ничего до этого не происходило.

– Филипп, надеюсь, ты готов расселить всех гостей в своем доме?

– Я готов, впрочем, как и всегда. Мы с Марком поселим некоторых в своих комнатах, остальных можно положить здесь, – мужчина погладил мягкий диван свободной рукой, и туда запрыгнул Глаз, свернувшись комочком.

– Замечательно, – она широко улыбнулась и оглядела гостиную.

– Как думаете, сколько времени займут приготовления?

– Точно не могу сказать, ведь в этом году нас ждет не только Йоль, но и обряд восшествия Евы. Надеюсь, что мы успеем к началу праздника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.